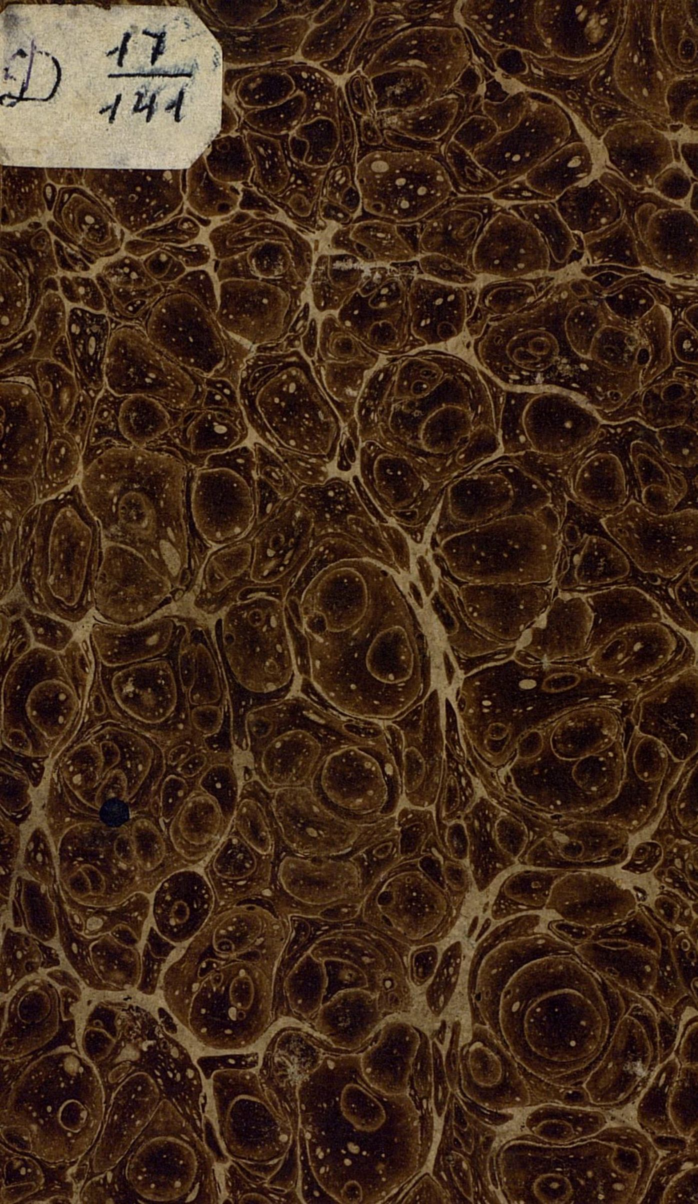
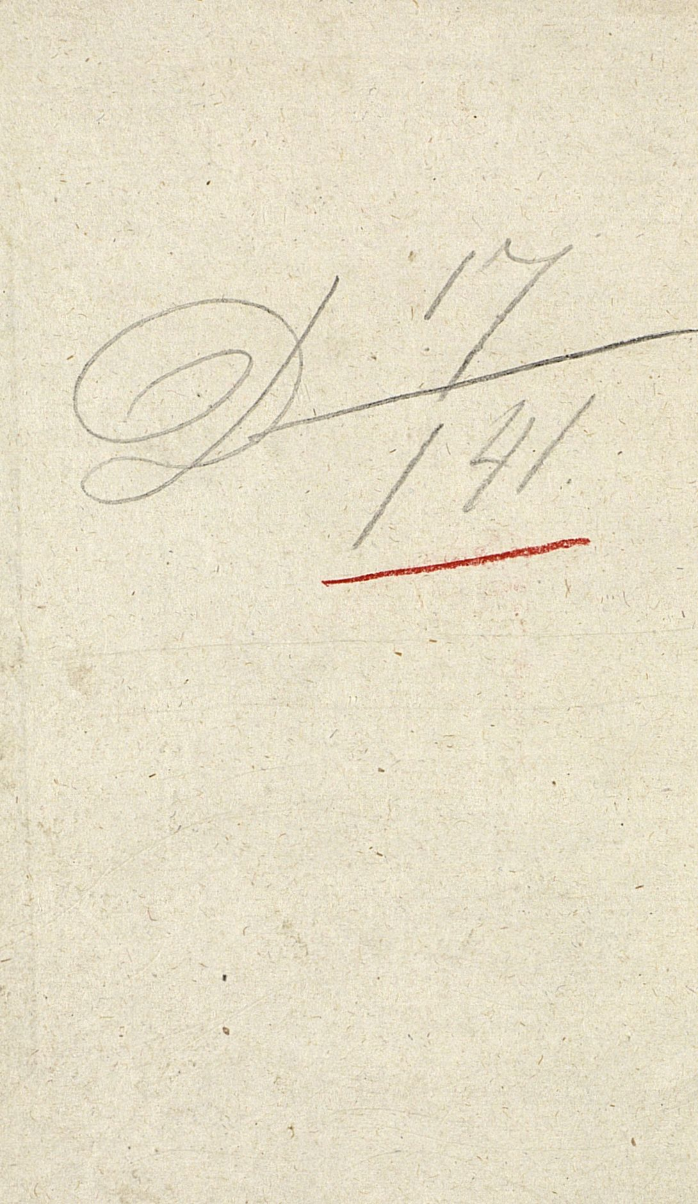
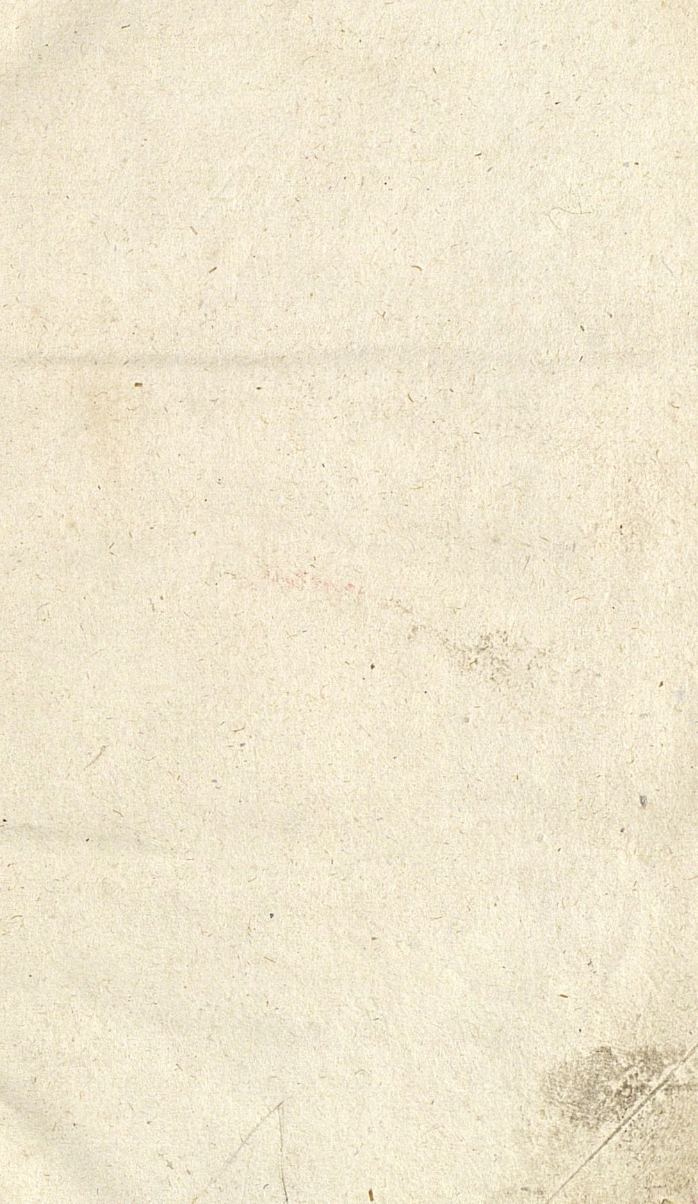

D
17
141

D 17/141

КРАТКАЯ РИТОРИКА.

КРАТКАЯ
РИТОРИКА,

ИЛИ

ПРАВИЛА, ОТНОСЯЩІЯСЯ КО
ВСѢМЪ РОДАМЪ СОЧИНЕНІЙ
ПРОЗАИЧЕСКИХЪ,

ИЗДАННАЯ

ДЛЯ БЛАГОРОДНЫХЪ ВОСПИТАННИКОВЪ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТСКАГО
ПАНСІОНА

Профес. А. Мерзляковымъ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1828.

Книгу сію разсматривалъ *Адъюнктъ Словесныхъ Наукъ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Петръ Побѣдоносцевъ*. 1821 года, Февраля 28го дня.

Четвертымъ изданіемъ печатать позволяется. Москва, 1828 года Іюня 27го дня. Въ должности Предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета *Сергѣй Аксаковъ*.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ РИТОРИКУ.

§ 1. Подъ словомъ *рѣчи* вообще разумѣется всякое словесное выраженіе нашихъ мыслей и чувствованій, расположенное въ нѣкоторомъ опредѣленномъ *порядкѣ* и *связи*. Порядокъ и связь отличаютъ искуственную рѣчь отъ языка. Подъ словомъ языка, въ пространномъ смыслѣ, понимать надобно всѣ правила рѣчи, составляющія теперь три особенныя науки: *Логику* или *Діалектику*, которая учитъ думать, разсуждать и выводить заключенія *правильно, связно* и *основательно*; — *Грамматику*, которая показываетъ значеніе, употребленіе и связь словъ и рѣчей, — и *Риторику*, которая подаетъ правила къ послѣдовательному и точному изложенію мыслей, къ изящному и плѣнительному расположенію частей рѣчи, сообразно съ видами каждаго особеннаго рода прозаическихъ сочиненій.

§ 2. И такъ Риторика, принятая во всемъ ея пространствѣ, заключаетъ

въ себѣ *полную теорію Краснорѣчія. Краснорѣчіе*, какъ обыкновенно понимаемъ, есть способность выражать свои мысли и чувствованія на письмѣ или на словахъ правильно, ясно и сообразно съ цѣлію говорящаго или пишущаго. Древніе подъ именемъ Краснорѣчія разумѣли единственно искусство Оратора; а подъ именемъ Риторики — правила, служащія къ образованію Ораторовъ. Теорія прочихъ прозаическихъ сочиненій была предметомъ ихъ Діалектики и Грамматики.

§ 3. Цѣль Риторики, какъ теоріи всѣхъ прозаическихъ сочиненій, не ограничивается *убѣжденіемъ* и *доказательствами.* Въ противность древнимъ и нѣкоторымъ новѣйшимъ Учителямъ, мы понимаемъ подъ симъ словомъ науку научать нашъ разумъ и занимать воображеніе, или трогать сердце и дѣйствовать на волю. И такъ искусство *научать, занимать, трогать, доказывать* составляетъ предметъ всякаго прозаическаго Писателя.

§ 4. *Смыслъ*, или *чувство* и *выраженіе* оныхъ составляютъ сущность рѣчи, и должны быть въ надлежащей связи точно такъ, какъ душа и тѣло.

То и другое, какъ матерія и форма, служитъ предметомъ Риторики, которая впрочемъ не простираетъ своихъ изслѣдованій до мыслей и до словъ, предоставляя это Логикѣ и Грамматикѣ. Она болѣе смотритъ на *красоту* и *стройность* сочиненія, т. е. она учитъ мысли, правильно обдуманныя, и по правиламъ Грамматики выраженныя, представлять въ видѣ изящномъ и соотвѣтственномъ каждому роду Краснорѣчія.

§ 5. Нѣкоторые подъ именемъ Краснорѣчія разумѣютъ стихи и прозу, а другіе одну прозу, раздѣляя такимъ образомъ всю науку Словесности на два рода, на *искусство прозаическое* и на *искусство стихотворное*. Сіе раздѣленіе основано не на одной наружной формѣ того и другаго рода; оно зависитъ отъ существеннаго различія предметовъ и цѣли, которыя предполагаютъ себѣ Ораторъ и Стихотворецъ: одного намѣреніе научить, а другой имѣетъ въ виду особенно — удовольствіе.

§ 6. Есть люди, которые отличаются какимъ-то природнымъ Краснорѣчіемъ; они никогда не учились

правиламъ Риторики, но, имѣя здравой разсудокъ, живое чувство, вкусъ и легкость въ языкѣ, выражаютъ свои мысли ясно и въ такомъ порядкѣ, который совершенно соотвѣтствуетъ ихъ цѣли. Сія, частію отъ Природы получаемая, частію воспитаніемъ, обращеніемъ и чтеніемъ образованная способность обезпечиваетъ успѣхи предлагаемаго нами искусства, и сама пріобрѣтаетъ посредствомъ правилъ новой блескъ, силу и совершенство. Отъ всякаго Писателя требуется, чтобъ онъ со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ предметъ своей рѣчи, чтобъ онъ каждую минуту обладалъ самимъ собою, чтобъ самъ былъ увѣренъ въ причинахъ и доказательствахъ, которыя предлагаетъ другимъ, и чтобы наконецъ самъ былъ живо проникнутъ чувствованіями и страстью, которую намѣренъ возбудить въ сердцѣ читателя.

§ 7. Польза Краснорѣчія очевидна для каждаго, кто обращаетъ вниманіе на его существо и цѣль. Ни одна наука не имѣетъ столь великаго вліянія на душевныя наши силы. Какъ Изящное Искусство, Краснорѣчіе плѣняетъ наши сердца и воспламеняетъ

воображеніе; этаго мало: будучи разсматриваемо въ собственныхъ своихъ предѣлахъ, оно способствуетъ къ распространенію познаній, къ открытію новыхъ истинъ, и всѣмъ вообще наукамъ доставляетъ новыя достоинства и прелести. Посредствомъ его не только мысли и познанія, но самыя чувства, склонности и страсти людей, намъ неизвѣстныхъ, отдаленныхъ отъ насъ вѣками, становятся нашими собственными, современными. Оно научаетъ насъ избирать предметы, разбирать ихъ, и описывать прилично, порядочно и связно; оно даетъ самой истинѣ большую силу убѣдительности, и самымъ страстямъ больше выраженія и трогательности; оно образуетъ наши нравы.

§ 8. Краснорѣчіе обращается въ искусство безнужное и вредное, когда оставляетъ благородную цѣль свою, т. е. когда оно устремлено будетъ не къ выгодамъ истины и добродѣтели, но къ распространенію заблужденія и пороковъ; когда оно рѣшится защищать правила и мнѣнія, противныя чистой нравственности, или будетъ одѣвать предметы, сами по себѣ па-

губные и соблазнительные, въ одежду пріятную и благовидную, чтобы заманить въ свои сѣти неопытный и ослѣпленный умъ читателя, или слушателя. И такъ не Краснорѣчіе, но его употребленіе навлекло на себя справедливыя укоризны въ древности и въ новѣйшія времена; злоупотребленіе всегда будетъ порицаемо, между тѣмъ какъ наука безпрестанно приводится къ совершенству, безпрестанно сіяетъ въ новомъ немерцающемъ свѣтѣ.

§ 9. Для образованія истиннаго Оратора и для пріобрѣтенія надлежащаго успѣха во всѣхъ прозаическихъ сочиненіяхъ не довольно однѣхъ правилъ Риторики. Для сего необходимо нужно познакомиться съ лучшими образцами искусства, какъ между древними, такъ и новѣйшими произведеніями. Молодой благоразумной питомецъ Музъ, занимаясь чтеніемъ лучшихъ Авторовъ, видитъ, какимъ образомъ доставили они безсмертнымъ своимъ сочиненіямъ истинную красоту, совершенство и подлинную классическую важность. Внимательное изученіе Писателей подаетъ намъ случай узнать собственной ихъ характеръ, и возбуждаетъ въ насъ

благородное стремленіе къ подражанію. Такимъ образомъ, чрезъ непрерывныя упражненія въ Краснорѣчіи и чрезъ образованіе своихъ способностей, пріобрѣтаемъ мы большія силы, вѣрнѣйшее чувство *изящнаго* и *добраго*, и быстрѣйшій взоръ для отличія погрѣшностей.

§ 10. Изобрѣтеніе языка и письма теряется во мракѣ древности. Начало Краснорѣчія гораздо къ намъ ближе; оно предполагаетъ уже нѣкоторое образованіе языка и значительные успѣхи въ устроеніи обществъ. Первое Краснорѣчіе можно назвать свободнымъ изліяніемъ сердца, покореннаго невольнымъ порывамъ чувствованій и страстей. Первые Ораторы не обдумывали и не слагали рѣчей своихъ по правиламъ Риторическимъ. *Соотвѣтствовать своей цѣли* — сіе первое, существенное правило всѣхъ Риторикъ было тогда однимъ правиломъ, одною нитью, по которой Авторъ располагалъ свое слово.

§ 11. Гораздо прежде появленія прозаическихъ сочиненій Стихотворство было образовано, и пользовалось исключительно всѣми правами на уваженіе; оно посвящено было знатнѣй-

шимъ историческимъ происшествіямъ. Ни одинъ народъ въ древности не способствовалъ столько успѣхамъ Краснорѣчія, сколько Греки. Блистательныя дарованія, благородное чувство свободы, богатство и гибкость языка, Философія и Политика, все сіе вмѣстѣ устремлено было къ одной цѣли, къ образованію Ораторовъ. Не только Учители Риторики, но даже Грамматики и Философы занимались Теоріею Словеснаго Искусства, во всемъ его пространствѣ. Греческіе Писатели лучшихъ временъ обращали свое вниманіе столько же на слогъ, сколько и на мысли. Римляне были ихъ счастливые подражатели, и въ продолженіе блистательной эпохи своей республики усовершенствовали не только практическую, но и учебную часть Краснорѣчія.

§ 12. Въ такъ называемыя среднія времена всеобщій мракъ, распростертый надъ науками, сокрылъ отъ взоровъ послѣдніе слѣды Краснорѣчія, которое лишено было вдругъ всѣхъ своихъ способовъ: тонкій вкусъ, здравая Философія, основательное познаніе языка — все изчезло. Нѣкоторые роды прозаическихъ сочиненій были со-

вершенно забыты, другіе весьма мало обработаны; всю ученость тогдашняго времени составляли тиранскія схоластическія толкованія Аристотелевыхъ правилъ. Но какъ скоро духъ древней Словесности получилъ новую жизнь; какъ скоро Ученые обратились опять къ древнимъ языкамъ: тогда снова воцарилось и чувство красоты, начали подражать лучшимъ образцамъ, приводить въ совершенство свой языкъ, и сдѣлались гораздо внимательнѣе къ правильности, точности, выразительности и благозвучію языка. Такимъ образомъ образовался слогъ прозаическій между новѣйшими народами, хотя Краснорѣчіе, принятое во всемъ его пространствѣ, никогда уже не могло возвратить себѣ прежняго своего величія.

§ 13. Поэзія и Изящныя Искусства существовали гораздо прежде, нежели Піитика и правила Искусствъ; подобно тому, Краснорѣчіе гораздо прежде было извѣстно, нежели начали преподавать объ немъ правила, которыя вообще почерпнуты изъ памятниковъ, оставшихся отъ первыхъ Ораторовъ. У Грековъ особливо блистательные успѣхи сего Искусства про-

извели многихъ Риторовъ, которые всѣми своими открытіями въ таинствахъ вкуса, всѣми своими правилами, относительно къ чистому слогу, обязаны вѣрнымъ своимъ наблюденіямъ и разбору лучшихъ Писателей. Между Авторами, которые писали о Краснорѣчіи, и коихъ сочиненія дошли до насъ, заслуживаютъ особенное наше вниманіе слѣдующіе: *Аристотель, Діонисій Галикарнасскій, Гермогенъ, Автоніусъ, Теонъ, Деметрій Фалерійскій* и *Лонгинъ.*

§ 14. *Римъ*, увлекаемый воинственнымъ духомъ, долго не могъ обратить своего вниманія на искусства и науки; очень поздно уже начали учить въ немъ Краснорѣчію словесно и письменно. Въ семъ отношеніи прославились особенно *Цицеронъ*, *Квинтиліанъ* и неизвѣстный Сочинитель разговора *о причинахъ упадка Краснорѣчія.*

§ 15. Изъ новѣйшихъ Писателей, которые, по возстановленіи наукъ, сочинили учебныя книги, касательно Краснорѣчія, заслуживаютъ нашу благодарность слѣдующіе:

На Латинскомъ языкѣ: *Фоссій* и *Эрнести.*

На Италіянскомъ: *Беттинелли.*

На Французскомъ: *Рапенъ, Бюфье, Фенелонъ* и Издатель правилъ о чтеніи Ораторовъ.

На Англійскомъ: *Лавзонъ, Кампбель, Пристлей* и *Блеръ.*

На Нѣмецкомъ: *Готшедъ, Базедовъ, Миллеръ* и *Линднеръ.*

У насъ, въ Россіи, *духовные Отцы* первые начали собирать Риторическія правила, слѣдуя методѣ Греческихъ и Латинскихъ Риторикъ. — Изъ свѣтскихъ Писателей имѣютъ неоспоримое право на признательность нашу: *Тредьяковскій*, и особливо *Ломоносовъ.* — Риторика *Рижскаго* и благонамѣренные труды *Шишкова* также достойны всякаго уваженія.

§ 16. Риторическія наставленія въ пространномъ смыслѣ состоятъ частію изъ правилъ, которыя относятся къ *хорошему слогу вообще*, частію изъ особенныхъ разсужденій о *каждомъ особенномъ родѣ* сочиненій. Сіи роды суть: a) *Письма,* b) *Разговоры*, c) *Разсужденія* или *учебныя книги*, d) *Исторія* истинная или вымышленная, и

наконецъ е) собственно такъ называемыя *Рѣчи*. Сообразно сему порядку мы расположимъ наши Риторическія наставленія.

I.

Всеобщая теорія прозаическимъ сочиненій.

§ 1. Слогомъ, или стилемъ во всѣхъ родахъ письменныхъ сочиненій называемъ мы словесную одежду мыслей и чувствованій, какого бы онѣ содержанія ни были. Всякой слогъ имѣетъ свой собственной характеръ. Различіе въ слогахъ происходитъ: 1. отъ характера Писателя; 2. отъ сущности матеріи, которую онъ избралъ; 3. отъ цѣли, которую онъ себѣ предположилъ, и наконецъ 4. отъ расположенія, въ которомъ онъ пишетъ.

§ 2. Мы прежде видѣли, что цѣль каждаго прозаическаго сочиненія должна быть или нравоученіе, или удовольствіе, или возбужденіе страсти. Цѣль сія одна и та же для всѣхъ родовъ

сочиненія; но намѣреніе Писателя можетъ дѣйствовать на ходъ и силу его творенія, и слогъ измѣняется. Сіи измѣненія могутъ быть безчисленны. Не входя въ подробность, мы полагаемъ здѣсь главные три рода слога: 1. *народной* или *простой*, 2. *среднiй* или *умѣренный* и 3. *высокой*. Кромѣ сихъ можетъ быть слогъ *простой*, *блестящiй*, *трогательный*, *цвѣтущiй*, *живописный* и проч. Всякой изъ нихъ болѣе или менѣе относится къ вышеупомянутымъ тремъ родамъ.

§ 3. *Простонародному* слогу болѣе свойственны: *ясность*, *легкость*, *чистота*, *краткость* и *точность*. Онъ удаляется всѣхъ пышныхъ украшенiй, всего, что воспламеняетъ воображенiе и страсти: цѣль его — спокойное наученiе разума. Допуская иногда даже нѣкоторую видимую небрежность, онъ имѣетъ свою красоту и прiятность; его правильное употребленiе предполагаетъ въ Писателѣ здравой и основательной разсудокъ, тщательное разсматриванiе мыслей и чувствованiй. Такимъ слогомъ пишутся особенно *учебныя книги* и *письма*, и потому-то его называютъ *догматическимъ* и

письменнымъ. Онъ иногда имѣетъ мѣсто во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ, и даже въ самыхъ рѣчахъ.

§ 4. Среднiй или умѣренный слогъ отличается полнотою и богатствомъ выраженiй. Возвышаясь весьма примѣтно надъ низкимъ или народнымъ слогомъ, онъ удерживается отъ сильныхъ и смѣлыхъ порывовъ высокаго слога. Онъ позволяетъ себѣ нѣкоторую мѣру Ораторскихъ украшенiй, которыя должны быть больше пріятны, нежели блестящи, больше трогательны, нежели высоки; онъ не терпитъ чудеснаго и величественнаго, и чуждается слишкомъ разительныхъ и красивыхъ мыслей и выраженiй. Такимъ образомъ сочиненія, написанныя симъ слогомъ, получаютъ извѣстную степень живости, привлекательности, силы. Часто самые низкіе предметы, принадлежащіе къ народному слогу, заимствуютъ отъ него благородство и возвышенность. Обыкновенное мѣсто его во всѣхъ нравственныхъ разсужденіяхъ, важныхъ и страстныхъ письмахъ, прагматическихъ повѣствованіяхъ и въ нѣкоторыхъ рѣчахъ.

§ 5. Высокой слогъ принадлежитъ къ собственно такъ называемому Красноречію или речамъ, и въ такомъ только случае, когда требуютъ сего слога или величіе предмета, или отменно живое чувство и возвышенность духа. Главные источники сего слога суть: великія и необыкновенно благородныя мысли, сильныя, потрясающія движенія сердца, пламенное воображеніе и гармоническое расположеніе словъ. Все сіе однако имеетъ вліяніе не на характеръ целаго сочиненія, но только на некоторыя его части; потому что новость и разительность возвышенныхъ предметовъ, точно также какъ и живое чувство сердца и фантазіи, не могутъ быть безпрерывными, но встречаются случайно.

§ 6. Симъ тремъ родамъ хорошаго слога противополагается столько же *дурныхъ*. Молодые писатели, не опытные въ таинствахъ вкуса, неимеющіе надлежащаго познанія о правилахъ и образцахъ, часто впадаютъ въ погрешности. Простонародный слогъ въ рукахъ такихъ учениковъ становится низкимъ, слабымъ, сухимъ, детскимъ, или изнеженнымъ. Средній слогъ

безъ строгаго надзора критики, теряетъ свою стезю, и превращается или въ возвышенной, или въ низкій, и то и другое не въ своемъ мѣстѣ, безъ надлежащаго отношенія между предметомъ Писателя и его намѣреніемъ. А высокой слогъ, чуждой вкуса, несогласный съ своею цѣлію, дѣлается напыщеннымъ, безсмысленнымъ и темнымъ; лишеннымъ чувства и мыслей, становится ненатуральнымъ и холоднымъ.

§ 7. Всеобщія или существенныя свойства хорошаго слога во всѣхъ родахъ прозаическихъ сочиненій суть слѣдующія: *правильность*, *точность*, *пристойность*, *благородство*, *живость*, *красота* и *благозвучіе*. Первое изъ сихъ свойствъ, т. е. правильность, или исправность, принадлежитъ болѣе къ Грамматикѣ, нежели къ Риторикѣ. Она состоитъ въ совершенномъ согласіи между выраженіемъ и мыслію, для которой выраженіе служитъ отпечаткомъ, или одеждой. Правильность заключаетъ въ себѣ *чистоту* выраженій, которая требуетъ, чтобы мы, изображая нашу мысль, остерегались отъ всѣхъ словъ и оборотовъ, чуждыхъ нашему языку. Оба сіи свойства хотя

не могутъ быть главною цѣлiю Автора, но онѣ необходимы для хорошаго слога.

§ 8. Поелику языкъ есть единственное средство для изображенiя нашихъ мыслей и чувствованiя, то каждый Писатель прежде всего долженъ обратить все вниманiе на его свойства, его устроенiе, богатство, образованность. Кромѣ *аналогiи*, или постоянныхъ измѣненiй языка, онъ долженъ смотрѣть на *употребленiе* онаго, отъ котораго зависитъ связь извѣстныхъ звуковъ съ понятiями, соединенiе словъ и строенiе оборотовъ.

Всѣ правила Грамматическiя первоначально извлечены изъ употребленiя языка. И такъ смыслъ, въ которомъ принимается каждое слово, оборотъ и составъ рѣчи должны непремѣнно сообразоваться съ общимъ употребленiемъ, если только сiе послѣднее не противно лучшимъ классическимъ Авторамъ, генiю языка и духу настоящаго вѣка.

§ 9. Во всякомъ языкѣ встрѣчаются *синонимы*, или слова однозначущiя. Впрочемъ сiи слова никогда не значатъ совершенно одного и того же смысла:

онѣ разнятся иногда степенью благородства, иногда своею опредѣленностію, или границами значенія. Свобода, свойственная употребленію, позволяетъ ихъ часто съ излишествомъ: тогда самое употребленіе становится подозрительнымъ, и Авторъ прибѣгаетъ къ Грамматикѣ; выборъ его зависитъ отъ произведенія словъ, Синтаксиса и гармоніи слога. Сверхъ того при употребленіи синонимъ и оборотовъ смотрѣть надобно не только на то, чтобъ въ рѣчи не было никакой тавтологіи (тождесловія), но чтобы она имѣла надлежащую разнообразность, силу, живость, и соотвѣтствовала цѣли Автора.

§ 10. Мы замѣтимъ три главныя погрѣшности противъ чистоты и правильности языка. — Первая состоитъ въ употребленіи такихъ словъ, которыя необыкновенны, т. е. или слишкомъ странны, или слишкомъ новы, или образованы несвойственно генію языка: это называютъ *барбаризмомъ*. — Вторая погрѣшность состоитъ въ несохраненіи правилъ Синтаксиса, и чрезъ то теряется смыслъ и порядокъ словъ: это называютъ *солецизмомъ*. —

Третья, когда употребляють слова и обороты не въ томъ значеніи и смыслѣ, которыя собственно имъ принадлежатъ; сему пороку противополагается *точность выраженій*. Сюда же относятся *идіотизмъ* и *провинціализмъ*, когда мы употребляемъ слова и обороты въ такомъ значеніи, которое, не будучи всеобщимъ, свойственно только какой-нибудь провинціи, или какому-нибудь особенному нарѣчію. Употребленіе словъ, взятыхъ изъ чужаго языка, называется или *Грецизмомъ*, или *Латинизмомъ*, *Галлицизмомъ* и проч.

§ 11. Самое существенное свойство стиля есть ясность. Съ какимъ бы намѣреніемъ Авторъ ни писалъ, какіе бы ни были виды его сочиненія, всегда онъ долженъ такъ выражаться, чтобъ его понимали; въ противномъ случаѣ всѣ труды его потеряны. Здѣсь Писателю одна Грамматическая исправность не поможетъ; чтобы доставить сочиненію надлежащую степень ясности, надобно избѣгать всѣхъ погрѣшностей, для нее вредныхъ. Онѣ суть: темнота, двоесмысліе и сбивчивость. Причиною сихъ погрѣшностей часто

бываетъ излишнее старание быть исправнымъ: — слабость, отъ которой не могли избѣгнуть многіе превосходнѣйшіе Писатели!

§ 12. Темнота стиля происходитъ или отъ недостатка и неполноты выраженій, или отъ неправильнаго расположенія словъ, которое нарушаетъ связь между мыслями, или отъ неоднообразнаго и одинаковаго употребленія словъ, въ одномъ и томъ же періодѣ принимающихъ различныя значенія, или наконецъ отъ излишняго изобилія мѣстоименій и особливой охоты устроивать періоды. Такія же слѣдствія производитъ привязанность къ малоизвѣстнымъ учебнымъ и художественнымъ терминамъ, и къ продолжительнымъ періодамъ. Желаніе быть краткимъ и глубокимъ, даже и при сохраненіи прочихъ достоинствъ стиля, можетъ произвесть темноту.

§ 13. Оборотъ рѣчи становится двусмысленнымъ, когда можно растолковать его не въ одну, но въ двѣ и три стороны. Двоесмысленность бываетъ или въ словахъ, или въ расположеніи цѣлаго періода. Первый случай встрѣчается особенно въ тѣхъ языкахъ,

которые не получили еще надлежащей определенности. Искусный Писатель тѣ слова, которыя имѣютъ сомнительное значеніе, употребляетъ тамъ только, гдѣ мѣсто и связь выраженій дѣлаютъ смыслъ совершенно яснымъ. Гораздо труднѣе избѣжать двусмыслія въ сочиненіи словъ; поелику лучшіе обороты рѣчи, находясь въ періодической связи одни съ другими, могутъ быть расположены не однимъ, но разными способами и всегда производятъ сбивчивость, какъ скоро читатель не проникъ намѣренія Автора. Чрезъ рачительное сохраненіе знаковъ препинанія можно избѣжать сей погрѣшности.

§ 14. *Сбивчивость* въ слогѣ есть совершенный недостатокъ смысла и ясности. Сей порокъ, будучи самымъ вреднымъ, часто встрѣчается въ отличнѣйшихъ Писателяхъ. Онъ происходитъ отъ темноты и замѣшательства въ мысляхъ, которыя не обдуманы и не расположены, какъ должно, въ головѣ нашей. Читатель съ величайшимъ трудомъ долженъ отгадывать ихъ ходъ, связь и взаимныя отношенія, а часто и совсѣмъ ничего не ви-

дитъ. То же самое производитъ страсть къ новымъ украшеніямъ, когда мы, гоняясь за фигурными выраженіями, выбираемъ такія слова, которыя имѣютъ отдаленное, или слишкомъ скрытое отношеніе. Я не говорю о послѣднемъ источникѣ всякаго безсмыслія. Это совершенная тупость или разсѣянность Писателя, который совсѣмъ не думаетъ о томъ, что говоритъ, или пишетъ.

§ 15. *Соотвѣтственность* стиля заключается въ соблюденіи отношеній между словами и оборотами, и между тономъ цѣлаго сочиненія. Все сіе притомъ должно быть приспособлено къ особенному намѣренію того, кто говоритъ или пишетъ. И такъ всегда наблюдать должно: a) одно только то, что употребительно въ обществѣ или свойственно языку; b) что прилично предмету и цѣли; c) натуральное и простое; d) надлежащую опредѣлительность выраженій, относительно къ нимъ самимъ и къ мыслямъ, которыя Авторъ посредствомъ ихъ объясняетъ. Сохраненіе всѣхъ сихъ свойствъ можно назвать однимъ словомъ *точностію*. Она избѣгаетъ всего излишня-

го и растянутаго, наблюдая вездѣ благоразумную *краткость*.

§ 16. Ко всеобщимъ качествамъ хорошаго слога принадлежитъ также его *достоинство* или *благородство*. Надобно стараться присвоить себѣ навсегда мысли и чувствованія людей образованныхъ, имѣющихъ здравый вкусъ. Все неблагопристойное, низкое, неприличное, такъ какъ и пустая напыщенность и высокопарность, оскорбляетъ нѣжность читателя.

§ 17. *Живость* слога зависитъ частію отъ его ясности и точности, частію отъ живости воображенія и чувствованій. Она происходитъ отъ совершеннаго согласія между означающимъ и означаемымъ, между словами и идеями. И такъ выборъ словъ, ихъ расположеніе и ихъ благозвучность наиболѣе производятъ сію живость. Лучшіе Авторы не только смотрятъ на слова, которыя они употребляютъ, но и на звуки, изъ которыхъ сіи слова состоятъ. Они стараются самымъ тономъ слоговъ выражать предметъ, особливо если сей предметъ подверженъ чувству слуха.

§ 18. *Слова* могутъ быть или *собственныя*, или *несобственныя*. Въ разсужденіи собственныхъ выраженій ничто такъ не способствуетъ живости слога, какъ ихъ точность и опредѣленность, относительно къ мыслямъ и намѣренію Автора; при чемъ должно избирать не всеобщія или обыкновенныя, но, сколько возможно, особенныя и одному только настоящему предмету приличныя выраженія; такимъ образомъ слогъ становится болѣе и болѣе живописнымъ въ самой простотѣ и краткости своей.

§ 19. Особенное вниманіе должно устремлять на употребленіе несобственныхъ или фигурныхъ выраженій, которыя служатъ не только для украшенія и блеска рѣчи, но и для большаго объясненія предмета, ими изображаемаго. Ихъ стараются изобрѣтать съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ придать слову болѣе живости, т. е. дѣйствовать на всѣ умственныя силы нашей души, особливо на воображеніе и чувство. И такъ при выборѣ фигуръ замѣчать должно тѣ образы или измѣненія, которыя заключаютъ въ себѣ болѣе живописи или разительности.

Главныя выгоды, получаемыя отъ фигуръ, суть слѣдующія: обогащеніе языка, его достоинство и сила, пріятное занятіе для воображенія и остроумія, и наконецъ живость и разительная ясность мыслей.

§ 20. Обыкновенно раздѣляютъ фигуры на два рода: на *обороты словъ* и на *обороты предложеній*. Первые касаются до однѣхъ словъ, и состоятъ въ переносѣ собственнаго значенія въ ближайшее несобственное; другіе относятся къ цѣлымъ періодамъ, и зависятъ отъ измѣненія хода чувствъ и мыслей. Сіе раздѣленіе весьма неопредѣленно и недостаточно, ибо кто можетъ исчислить всѣ перемѣнныя движенія души и сердца? Поелику всѣ фигуры дѣйствуютъ или на умъ, или на воображеніе, и на чувство: то мы раздѣлимъ ихъ на три главные класса, и скажемъ о важнѣйшихъ въ каждомъ классѣ.

§ 21. Хотя остроуміе и проницательность принадлежатъ собственно къ вышшимъ силамъ ума, однако онѣ оказываются и въ Изящныхъ Наукахъ: первое сравниваетъ, другая отличаетъ самыя тонкія оттѣнки чувственныхъ предметовъ. Какъ вспомо-

гательное средство къ возбужденію вниманія и къ удержанію его, полезно между фигурами особенно *сравненіе*, которое два предмета, по ихъ ближайшему сходству, ставитъ вмѣстѣ, дабы одинъ изъ нихъ, или оба сдѣлать прелестнѣе и трогательнѣе. Сравненіе отличается отъ *примѣра* и *подобія* тѣмъ, что онѣ дѣйствуютъ болѣе на воображеніе и разсудокъ, и всеобщія истины, посредствомъ нѣкоторыхъ случаевъ, особенныхъ и извѣстныхъ, представляютъ въ яснѣйшемъ свѣтѣ и большей силѣ. Сюда принадлежитъ *противоположеніе* или *антитезъ*, когда двѣ противныя другъ другу вещи, или понятія сближаются, чтобы смотрѣть на нихъ съ одной точки зрѣнія.

§ 22. Ко второму классу фигуръ, которыхъ дѣйствіе простирается на силу воображенія, принадлежатъ такъ называемые *тропы*, или такія фигуры, въ которыхъ вмѣсто понятія, собственно соединяемаго съ какимъ-нибудь словомъ, употребляется другое ближайшее понятіе, дабы доставить предмету болѣе живости и привлекательности. Сія привлекательность,

заключенная въ удовольствіи сравненія, въ разнообразіи и новости, есть безъ сомнѣнія главное достоинство троповъ, которыхъ начало надобно искать въ природѣ и постепенномъ распространеніи человѣческихъ познаній, въ силѣ воображенія и даже въ недостаткахъ языка. При изобрѣтеніи троповъ наблюдать должно правильное и ближайшее отношеніе между сравниваемыми понятіями, хотя бы оно было очевидно или скрытно, и состояло въ подобіи или противоположеніи. Каждый языкъ, въ разсужденіи троповъ, имѣетъ собственной способъ употребленія, и отъ того часто случается, что троповъ одного языка не льзя перевести тѣми же тропами на другой языкъ.

§ 23. Къ самымъ употребительнымъ и прекраснѣйшимъ тропамъ принадлежитъ *метафора*, которая, вмѣсто одного, не столь живаго, не столь пріятнаго значенія, присвоиваетъ слову другое, болѣе живописное и привлекательное. Она основывается на сходствѣ, и производитъ образъ. Сіе значеніе не поставляется въ сравненіи съ тѣмъ понятіемъ, которое оно живописуетъ, но дѣйствительно и не-

посредственно занимаетъ его мѣсто. Метафора заключается не только въ одномъ, но и во многихъ словахъ, чрезъ что бываетъ гораздо живописнѣе. При ея помощи не только всеобщія и отвлеченныя понятія, но и самые чувственные предметы принимаютъ новой видъ. Она должна имѣть такъ какъ и всѣ тропы, надлежащую степень вѣроятности и разительнаго сходства, сообразно съ правилами фигурнаго языка. Лучше заимствовать ее всегда отъ предметовъ извѣстныхъ; она должна быть опредѣленна, полна, благоприлична, нова, непротивна вкусу. Главное свойство сей фигуры есть безъ сомнѣнія единство, которое состоитъ въ томъ, чтобъ не смѣшивать разнородныхъ образовъ между собою, и не соединять вмѣстѣ выраженій собственныхъ съ несобственными. Метафора, продолженная и многими одного рода изображеніями украшенная, называется *аллегоріею*, которая должна отличаться ясностію и точностію подобія во всѣхъ подробностяхъ сравниваемыхъ понятій.

§ 24. Другіе тропы основываются не столько на сходствѣ, сколько

на содержаніи и отношеніи между предметами, изъ которыхъ одинъ ставится на мѣсто другаго. Сюда принадлежитъ *метонимія*, которая, замѣтивъ *наружныя*, необходимыя, или случайныя отношенія двухъ понятій, употребляетъ одно вмѣсто другаго. Сіи отношенія суть: причина и дѣйствіе, предыдущее и послѣдующее, начало и произведеніе, орудіе и то, что имъ сдѣлано, знаки и то, что ими означается, мѣсто и то, что въ немъ находится, время и все, что можетъ случиться въ продолженіе онаго. *Синекдоха* напротивъ того имѣетъ основаніе свое на *внутреннемъ* содержаніи предметовъ, и заключается въ большемъ или меньшемъ пространствѣ значенія слова. Она полагаетъ часть вмѣсто цѣлаго, родъ вмѣсто вида, видъ вмѣсто нераздѣлимаго, и обратно. При употребленіи обѣихъ фигуръ наблюдать надобно тоже, что сказано о метафорѣ, т. е. благоприличіе и вкусъ.

§ 25. Къ фигурамъ, дѣйствующимъ на воображеніе, принадлежитъ еще *апострофа*, или обращеніе говорящаго лица къ предметамъ отсутствующимъ и неодушевленнымъ, такъ какъ

бы они были передъ нами и имѣли жизнь. Употребленіе сей фигуры предполагаетъ всегда въ читателѣ или слушателѣ особливую силу воображенія и страстей; она никогда не можетъ быть продолжительна. Еще болѣе дѣйствуетъ на воображеніе *прозопопея*, или одушевленіе, когда мы безчувственному предмету сообщаемъ жизнь, разсудокъ, дѣйствіе и чувство, и въ то же самое время, посредствомъ апострофы, обращаемъ къ нему слово или представляемъ его самаго дѣйствующимъ, слушающимъ, или говорящимъ. Во всѣхъ Риторикахъ найдемъ мы весьма много оборотовъ, относящихся болѣе или менѣе къ симъ фигурамъ; но всегда мѣра и продолжительность ихъ зависитъ отъ мѣры, до которой растрогано воображеніе и воспламенены чувства.

§ 26. Изъ фигуръ третьяго рода, которыя служатъ къ возбужденію или утоленію страстей, и доставляютъ сочиненіямъ какую-то особенную привлекательность, знатнѣйшія суть тѣ, кои дѣйствуютъ посредствомъ новаго и необыкновеннаго. — Таковы *анафора*, *епифора*, или частое въ концѣ или началѣ предложеній повтореніе

однѣхъ и тѣхъ же понятій и выраженій, для того чтобъ сдѣлать ихъ замѣтнѣе и сильнѣе. Подобное вліяніе на рѣчь производитъ *измѣненіе*, или такой оборотъ рѣчи, въ которомъ отступаетъ она отъ обыкновеннаго порядка, или выпускаетъ нѣкоторыя нужныя связи и слова. Очень много родовъ и сей фигуры. Они извѣстны въ Риторикахъ. — Упомянемъ еще *постепенность* или *восхожденіе*, въ которомъ слова и понятія постепенно получаютъ большую силу, достоинство и разительность, такъ что вмѣстѣ съ ними возвышается чувство читателя или слушателя.

§ 27. Мы прежде видѣли, что душа получаетъ пріятныя впечатлѣнія не только отъ сходства предметовъ, но и отъ противоположенія; на семъ имѣетъ основанія *иронія*, забавный оборотъ рѣчи, въ которомъ всегда разумѣется противное тому, что означаетъ собственной смыслъ выраженій. Сюда же принадлежитъ *гипербола*, въ которой, сообразно съ страстію и намѣреніемъ Автора, предметы или увеличиваются, или уменьшаются болѣе обыкновенной мѣры.

§ 28. Хотя, по видимому, устроеніе фигуръ и троповъ есть искусственное; однако онѣ не искусству обязаны своимъ началомъ. Ихъ происхожденіе заключено во врожденномъ ума человѣческаго стремленіи живописать предметы, подверженные чувствамъ, и сверхъ того въ недостаткѣ словъ, которой по необходимости долженъ былъ встрѣтиться въ первобытныхъ языкахъ. Большая часть фигуръ и троповъ равно принадлежитъ всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ. Мы уже прежде намекнули о ихъ пользѣ: онѣ обращаютъ вниманіе читателя на важнѣйшія обстоятельства предметовъ; онѣ самымъ отвлеченнымъ понятіямъ доставляютъ нѣкоторую степень чувственности, дѣлаютъ ихъ пріятнѣе и занимательнѣе, оживляютъ вещи неодушевленныя, и самымъ одушевленнымъ всегда придаютъ болѣе жизни и прелести. Употребленіе фигуръ должно быть умѣренно, весьма осторожно и сообразно съ цѣлью Автора; оно зависитъ отъ его характера, отъ существа описываемыхъ предметовъ. Болѣе всего надобно избѣгать *роскоши въ украшеніяхъ*.

§ 29. Красота или изящество сочиненій состоитъ особенно въ пріятности и соразмѣрности наружныхъ формъ слога. Здѣсь разумѣется расположеніе и сочиненіе словъ. Критики обыкновенно различаютъ *естественной* порядокъ словъ, которой слѣдуетъ вѣрно и точно за порядкомъ мыслей, отъ *Грамматическаго* порядка выраженій, которой весьма рѣдко соображается съ первымъ, и во всѣхъ языкахъ имѣетъ свои собственныя правила. Принявъ сіе за основаніе, должно положить, что тѣ языки гораздо совершеннѣе, которые не ограничиваются однимъ оборотомъ рѣчи, но имѣютъ многіе различные, которые, сообразно стремленію и страсти говорящаго, измѣняются безпрерывно въ ходѣ, въ расположеніи и связяхъ. Это можно почесть особливымъ преимуществомъ языковъ Греческаго, Римскаго и Славянскаго, которыхъ геній позволяетъ себѣ многіе обороты и перемѣны; изъ новѣйшихъ языковъ Россійской и Нѣмецкой особенно ими богаты.

§ 30. Красота слога заключается не въ одномъ только расположеніи словъ, но и въ расположеніи цѣлаго

сочиненія, въ правильной и послѣдовательной связи частей, его составляющихъ. Здѣсь прежде всего представляются вниманію нашему простыя *предложенія* и *періоды*, изъ нихъ составленные. Въ первыхъ наблюдать должно мѣсто и порядокъ каждаго слова; въ другихъ мѣсто и порядокъ каждаго предложенія, которыя, будучи расположены въ надлежащей связи, и устремлены къ извѣстной цѣли, составляютъ полной смыслъ. Особенный характеръ періодовъ состоитъ въ томъ, что, читая его, не льзя остановиться до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ его окончишь, и потому они сравниваются съ оборотомъ или кругомъ. — Въ отношеніи къ симъ двумъ родамъ рѣчи, самый слогъ бываетъ или отрывистый, или періодическій.

§ 31. *Отрывистый* слогъ состоитъ или изъ *простыхъ*, отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга предложеній, которыя имѣютъ подлежащее и сказуемое, или изъ *сложныхъ* предложеній, которыя имѣютъ свои отдѣльные члены, заключающіе въ себѣ особенной полной смыслъ. Отрывистой слогъ обыкновенно употребляет-

ся въ разговорахъ, въ изображеніи сильныхъ страстей и въ краткихъ повѣстяхъ. Онъ придаетъ мыслямъ и выраженію особливую быстроту и живость. Въ большихъ сочиненіяхъ надобно, чтобъ сей слогъ былъ перемѣшанъ съ періодическимъ; въ противномъ случаѣ онъ легко можетъ утомить читателя, и быть совершенно противнымъ здравому вкусу, особливо если къ тому присоединится суетное желаніе Автора блистать безпрестанными противоположеніями, соотвѣтствіями, натянутою соразмѣрностію и другими мѣлкими украшеніями.

§ 32. Слогъ *періодической* имѣетъ болѣе полноты и пространства; онъ обнимаетъ предметъ со всѣхъ сторонъ, и всѣ силы, раздѣленныя въ отрывистомъ слогѣ между многими членами, соединяетъ въ одну точку; онъ придаетъ рѣчи болѣе достоинства и выразительности. Надобно, чтобъ главныя части, составляющія періодъ, были на своемъ мѣстѣ, не слишкомъ распространены, не смѣшаны: ясной порядокъ и очевидное отношеніе между частями составляютъ главную красоту періода; сверхъ того члены его

должны быть расположены въ нѣкоторой соразмѣрности, т. е. имѣть надлежащее соотвѣтствіе въ своей продолжительности и въ своихъ формахъ. Такъ называемыя вставочныя предложенія затемняютъ смыслъ; и потому лучшіе Писатели не стараются съ излишкомъ наполнять ими свои періоды. Характеръ Автора и мѣра его чувствованій, сущность и важность предмета, имъ описываемаго, однѣ могутъ опредѣлить мѣсто для слога періодическаго и отрывистаго.

§ 33. Въ періодѣ всегда находится переходъ отъ подлежащаго къ сказуемому, которое присвоивается первому или отрицается. Сей переходъ отъ одной главной мысли къ другой заключаетъ въ себѣ или причину, или условіе, или опредѣленность времени, или сравненіе. Обѣ части періода называются *предыдущимъ* и *послѣдующимъ*. При соединеніи предыдущаго съ послѣдующимъ употребляются извѣстныя слова или частицы рѣчи, на примѣръ, въ доказательствѣ: *поелику — то*; въ условіи: *если — то*; въ изъясненіи послѣдованія: *когда — тогда*; въ уступкѣ: *хотя — однако*, или *но* — и прочее.

§ 34. Существенныя качества красиваго періода суть ясность и точность въ понятіяхъ и выраженіяхъ; а сіе предполагаетъ хорошій выборъ, порядокъ и расположеніе. — *Единство* періода требуетъ, чтобъ всѣ его части составляли одно цѣлое, чтобы между ими сохранено было очевидное соотношеніе, и чтобы всѣ онѣ наконецъ имѣли одну главную цѣль и надлежащую полноту. *Сила* и выразительность періода зависитъ отъ того, чтобы мы избѣгали всего излишняго въ мысляхъ и выраженіяхъ, имѣли предъ собою всегда главный предметъ, наблюдали пріятную постепенность между всѣми членами, и сохраняя вѣрную связь, доставили періоду сверхъ того всѣ прелести и благозвучіе.

§ 35. *Благозвучность* рѣчи можетъ быть двухъ родовъ: одна заключается въ звукахъ слоговъ и рѣчей, другая въ цѣлыхъ предложеніяхъ и періодахъ. Первая состоитъ въ томъ, чтобы слова въ самыхъ тонахъ своихъ составляли отголосокъ мыслей, и имѣли нѣкоторое сходство съ предметами, которые они представляютъ. Это относится къ вещамъ, подвер-

женнымъ чувству слуха. Сюда же принадлежатъ движенія слога, его случайныя измѣненія, легкость или важность, быстрота или медленность; все это можетъ быть выражено ходомъ рѣчи, искусственнымъ соединеніемъ словъ и самыхъ слоговъ. Труды и тщательность Автора въ семъ случаѣ не всегда помогаютъ; живость чувствованій можетъ непримѣтно сообщать слогу всѣ измѣненія, сокрытыя во глубинѣ души нашей.

§ 36. Чтобъ доставить рѣчи всю возможную пріятность звуковъ, надобно избѣгать слоговъ жескихъ и тяжелыхъ, сколько это позволитъ языкъ. Ничто такъ не оскорбляетъ слуха, какъ продолжительное послѣдованіе словъ односложныхъ, или безпрестанное употребленіе слишкомъ многосложныхъ и тяжелыхъ. Сюда принадлежитъ *монотонія* и утомительное для слуха стеченіе гласныхъ или согласныхъ.

§ 37. Другой родъ благозвучности или гармоніи гораздо важнѣе перваго. Онъ состоитъ въ соразмѣрномъ строеніи предложеній и періодовъ, въ искусственномъ расположеніи вставокъ

и окончательныхъ предложеній, въ пріятности и въ полнотѣ членовъ періода. Это называется *Ораторскимъ размѣромъ*. — Хотя проза не можетъ имѣть такой опредѣленной соразмѣрности въ слогахъ, и столь гармоническаго порядка въ предложеніяхъ, какъ Поэзія; однако она получаетъ гораздо большую выразительность и силу отъ стройнаго, исполненнаго взаимныхъ соотвѣтствій, расположенія словъ и цѣлыхъ періодовъ, которое производитъ пріятное впечатлѣніе въ слухѣ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ врожденное чувство къ изящному и здравой вкусъ гораздо болѣе могутъ помочь, нежели всѣ теоретическія правила, хотя сіи послѣднія, будучи соединены съ изученіемъ образцовъ, необходимы для всякаго, кто хочетъ достигнуть совершенства въ слогѣ.

§ 38. Навыкъ и отличное искусство читать сочиненія весьма много способствуетъ пріобрѣтенію гармоническаго слога. Молодые любители Словесности не должны пренебрегать симъ искусствомъ, которое, кромѣ сказанной нами очевидной пользы, составляетъ удовольствіе образованнаго

общества. Нѣтъ ничего несноснѣе чтеца, который не умѣетъ сохранить силы сочиненія, иногда ослабляетъ его, иногда выражаетъ совершенно противно главнымъ его видамъ и тону. Кромѣ яснаго, чистаго и гибкаго выговора, въ хорошемъ чтеніи необходимо правильное наблюденіе словоудареній, быстроты или медленности слоговъ, остановокъ на знакахъ и при вставочныхъ предложеніяхъ, въ ихъ различной соразмѣрности, и наконецъ щастливое образованіе голоса. При семъ случаѣ надобно смотрѣть на характеръ сочиненія: ибо всѣ роды Словесности, относительно къ существеннымъ своимъ отличіямъ, требуютъ или легкаго и смѣлаго, или робкаго, или историческаго, или безпрестанно измѣняемаго разговорнаго, или наконецъ величественнаго и страстнаго Ораторскаго произношенія.

II.

Правила о сочиненіи писемъ.

§ 1. Письмо есть не что иное, какъ письменная рѣчь одного лица къ другому отсутствующему; оно замѣняетъ недостатокъ словесной рѣчи, которую можно бы было обратить къ сему лицу, когда бы оно было въ присутствіи. И такъ переписка есть письменный разговоръ между отсутствующими лицами. Всѣ правила для писемъ основываются на языкѣ и тонѣ словеснаго обращенія въ различныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ жизни.

§ 2. Существенное свойство хорошаго письма есть легкое, простое, благородное и безъискусственное изъясненіе нашихъ мыслей. И такъ письма вообще болѣе, нежели другой какой родъ прозаическихъ сочиненій, принадлежатъ къ простому народному языку. Способность писать хорошо письма пріобрѣтается рачительнымъ наблюденіемъ и точнымъ подражаніемъ языка общественнаго, употребляемаго въ образованномъ обращеніи. Письма измѣняютъ свой тонъ, сообразно на-

мѣренію и содержанію оныхъ, сообразно состоянію нашихъ чувствованій, характеру и званію тѣхъ лицъ, къ которымъ мы пишемъ, и отношенію, какое между нами находится. Все это производитъ безчисленное множество различій въ языкѣ и въ расположеніи письменномъ.

§ 3. Поелику письменное изъясненіе нашихъ мыслей предполагаетъ болѣе труда, болѣе размышленія, нежели словесное: то письма не во всемъ должны слѣдовать совершенно языку разговорному. Онѣ избѣгаютъ слишкомъ обыкновеннаго, небрежнаго, отъ частаго употребленія состарѣвшагося образа выражаться. Въ простыхъ разговорахъ простительны такіе обороты; но въ письмахъ, которыя читаются съ большимъ вниманіемъ, нежели рѣчь, въ минуту родящаяся и изчезающая, терпѣть ихъ не можно. Мы сказали, что письма должны быть писаны легкимъ и естественнымъ слогомъ; слѣдовательно ясность и точность составляютъ ихъ главное достоинство.

§ 4. Этаго требуетъ цѣль ихъ, которая состоитъ въ томъ, чтобъ сообщать другимъ свои мысли и чув-

ствованія въ надлежащей связи и порядкѣ. Наши мысли и представленія должны соотвѣтствовать предметамъ, о которыхъ идетъ дѣло; наши слова и образъ выраженія должны быть согласны съ нашими мыслями и чувствами. Одинъ тонкой вкусъ, образованный въ лучшихъ обществахъ, можетъ сохранить всѣ сіи приличія.

§ *5*. Содержаніе писемъ столько же многоразлично, сколь многоразлично можетъ быть намѣреніе и отношеніе между лицами, имѣющими переписку. Иногда мы увѣдомляемъ другаго о какомъ-нибудь случаѣ или обстоятельствѣ; иногда изъявляемъ ему свои желанія или совѣты; иногда предметомъ писемъ бываетъ простая только учтивость. Часто ведемъ переписку по званію своему или должности, по родственнымъ и дружескимъ связямъ. Часто письма касаются гораздо важнѣйшихъ предметовъ: онѣ заключаютъ въ себѣ изысканія историческія, или ученыя разсужденія о наукахъ и искусствахъ; сухая, отвлеченная метода Логики получаетъ чрезъ то болѣе живости и пріятности.

§ 6. Сколь многоразлично содержаніе писемъ, столь многоразличны и правила писать ихъ. Заключаютъ ли онѣ простой разсказъ: тогда требуютъ точности, порядка, краткости и полноты; состоятъ ли онѣ въ просьбѣ, въ убѣжденіи, въ оправданіи: тогда образъ выраженія нашего и способъ доказательствъ долженъ быть силенъ и трогателенъ; заключаютъ ли онѣ учтивость: тогда должны онѣ отличаться, соотвѣтственно нашему званію и отношеніямъ, благородствомъ, скромностію и выразительностію. Въ письмахъ, относящихся къ должности нашей, требуется особенная основательность въ мысляхъ, вѣрность и исправность въ выраженіяхъ. Изъясненіе друзей дышетъ взаимною довѣренностію, простотою и сладкими чувствованіями сердецъ, преданныхъ другъ другу. Въ письмахъ ученыхъ должно удаляться, сколько возможно, сухости и единообразія.

§ 7. Письма, служащія отвѣтомъ, въ содержаніи и одеждѣ своей по большой части сообразуются съ тѣми, на которыя отвѣчаемъ. При семъ случаѣ, такъ какъ въ изустныхъ разговорахъ,

вопросъ и тонъ вопрошающаго опредѣляютъ и образъ отвѣта. — Впрочемъ никогда не надобно забывать отношенiй между переписывающимися особами, особливо въ разсужденiи званiя и чина; сверхъ того должно наблюдать, чтобъ не былъ оставленъ безъ вниманiя ни одинъ пунктъ изъ письма вопрошающихъ; чтобъ отвѣтъ располагаемъ былъ точно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ сдѣланъ вопросъ, если только это не будетъ противно естественной связи мыслей и обыкновенному ходу историческаго повѣствованiя.

§ 8. Письма, въ которыхъ дышатъ особливыя чувства или страсть, или которыя касаются предметовъ, ближайшихъ къ нашему сердцу, требуютъ обыкновенно гораздо меньшаго труда, нежели тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ одну холодную учтивость, или отношенiя къ обстоятельствамъ общественной жизни. Главное отличiе сихъ писемъ есть легкость и простота. Сердце, упоенное чувствованiемъ, управляетъ перомъ нашимъ; выраженiя и обороты тѣмъ будутъ свободнѣе и правильнѣе, чѣмъ живѣе наша страсть, чѣмъ быстрѣе чувство. Напротивъ то-

го въ письмахъ учтивыхъ и политическихъ мы по большей части принуждены бываемъ недостатокъ и сухость содержанія замѣнять тонкостію, или новостію оборотовъ и выраженій. Иногда матерія письма бываетъ такъ малозначуща, что требуется со стороны слога всего благородства и достоинства, котораго она сама не имѣетъ. — Это искусство пріобрѣтается большею опытностію и знаніемъ своего языка.

§ 9. Письма, въ которыхъ господствуетъ шутка, остроуміе, веселость или довѣренность, предполагаютъ въ душѣ Писателя всѣ сіи свойства прежде, нежели онѣ выльются на бумагу; онѣ производятъ по необходимости тонъ шуточной, или остроумной, веселой, или довѣрчивой. — Для сего нѣтъ никакихъ особенныхъ правилъ; ибо сіи правила гораздо легче чувствовать, нежели изъяснить. Нѣтъ ничего несноснѣе письма, которое наполнено шутками выисканными, остротами слишкомъ учеными, странными или дѣтскими, веселостію притворною и скучною, откровенностію болтливою и утомительною.

§ 10. Хорошее письмо требуетъ конечно предварительнаго размышленія, порядка и точности въ словахъ; но оно удаляется всѣхъ искуственныхъ *плановЪ*, свойственныхъ учебнымъ книгамъ, мучительной школьной методы, расположенія по правиламъ хріи, вступленія, предисловія, доводовъ, заключеній и проч. . . . Довольно для Автора письма, если предметъ и намѣреніе его хорошо обдуманы, и представлены съ надлежащею живостію и ясностію; довольно, если всѣ части имѣютъ другъ къ другу видимое отношеніе. Правила для сего расположенія безчисленны и неопредѣленны; но всѣ зависятъ отъ намѣренія того, которой пишетъ, и отъ сущности матеріи, составляющей содержаніе письма.

§ 11. Есть извѣстныя формы или образы привѣтствія, употребляемыя въ началѣ, въ концѣ, а иногда и въ срединѣ письма, которыя, будучи уродливыми дѣтьми Моды, общепринятою учтивостію обращенія, сдѣлались необходимыми, сколь мало онѣ ни соотвѣтствуютъ натуральному ходу слога. Надобно надѣяться, что со временемъ письма будутъ свободны отъ сихъ

оковъ, и замѣнятся другими выраженіями учтивости, болѣе сообразными съ достоинствомъ и легкостію тонкаго просвѣщеннаго обхожденія. — Между тѣмъ потребно знать употребленіе и нынѣшнихъ титуловъ. Общее мнѣніе, общій способъ выражаться непремѣнно долженъ быть закономъ для всякаго.

§ 12. Къ образованію хорошаго письменнаго слога въ особливости служитъ чтеніе лучшихъ древнихъ и новыхъ Писателей. Между древними Писателями отличились въ семъ родѣ *Фаларисъ* и *Либаніусъ;* изъ Римлянъ писали лучшія письма *Цицеронъ,* младшій *Плиній* и *Сенека.* Послѣдній заслуживаетъ вниманіе болѣе по содержанію писемъ, нежели по слогу.

§ 13. Собранія писемъ на Италіянскомъ языкѣ весьма многочисленны; но рѣдкія изъ нихъ могутъ быть образцами въ натуральномъ и легкомъ слогѣ. Большая часть изъ нихъ наполнена излишнимъ щегольствомъ въ украшеніи; повсюду встрѣчаемъ остроуміе натянутое, видимой подборъ замысловатыхъ выраженій и утомительную ученость. Изъ сего числа заслуживаютъ исклю-

ченіе письма *Аннибала-Каро*, *Бернарда-Тасса* и Графа *Гоци*.

§ 14. Никто столько не отличился въ искусствѣ писать письма, какъ Французы. Слогъ живой и легкой, нѣжность чувствованій и выраженій составляютъ особенныя черты ихъ писемъ; вообще похваляются письма Маркизы *Севинье* къ ея дочери и многія другія.

§ 15. Письма нѣкоторыхъ славныхъ Англичанъ отличаются какъ по назидательному своему содержанію, такъ и по красотѣ слога; я упомяну здѣсь *Свифта*, *Попе*, *Грея* и ихъ друзей. Сюда принадлежитъ великое множество вымышленныхъ и, по большой части, превосходно написанныхъ писемъ, которыя Англичане, такъ какъ и Французы, весьма любятъ.

§ 16. Нѣмцы весьма поздно начали писать письма со вкусомъ; потому что они слишкомъ привязаны къ обрядамъ церемоніала и къ школьной методѣ. Съ удовольствіемъ и пользою можно читать письма *Геллерта*, *Рабенера*, *Глейма* и *Винкельмана*.

III.

О діалогахъ или разговорахъ.

§ 1. Діалогъ или разговоръ есть взаимное изъясненіе между двумя, или многими лицами; онъ есть письменное подражаніе разговора словеснаго о предметахъ важныхъ или занимательныхъ. Цѣль сего рода сочиненій состоитъ въ томъ, чтобъ живѣе показать образъ мыслей разговаривающихъ лицъ; въ хорошемъ разговорѣ вы видите ихъ своими глазами, и характеръ ихъ самъ собою живописуется. Рѣчь разговорная всегда имѣетъ болѣе живости и убѣжденія, нежели повѣствованіе.

§ 2. Разговоръ бываетъ или *драматической*, и заключаетъ въ себѣ *дѣйствіе*, которое имѣетъ начало, средину и конецъ (объ немъ мы скажемъ въ нашей Піитикѣ); или *философской*, котораго предметъ — истина; или просто занимательный и живописующій, имѣющій своею цѣлію прелести остроумія, любопытныя картины Природы и изображеніе чрезвычайныхъ характеровъ.

§ 3. Первое достоинство философскихъ разговоровъ есть важность и богатство содержанія. Оно должно быть таково, чтобъ всякой испытатель истины нашелъ въ немъ достойную себя пищу, и чтобы оно достаточно было какъ для завязки, такъ и для развязки. Писатель разговора всегда имѣетъ выгоду предъ Писателемъ обыкновенныхъ философскихъ разсужденій: онъ можетъ показать истину изъ разныхъ точекъ зрѣнія, не нарушая единства; онъ открываетъ причины, связь и составъ мыслей съ легкостію и живостію, опровергаетъ предразсудки, разрѣшаетъ сомнѣнія, преодолѣваетъ всѣ трудности быстрѣе, и притомъ съ такою простотою, которая дѣлаетъ его понятнымъ для всѣхъ. Самыя отвлеченныя матеріи могутъ быть объяснены въ видѣ діалога, которой можно назвать разговоромъ съ самимъ собою, или послѣдствіемъ рѣчей, принадлежащихъ къ одному предмету. Другое лицо, предполагаемое въ особѣ Автора, служитъ для того, чтобъ подать случай къ сужденію, или обратить читателя на главную, или сомнительную точку предмета. Такимъ образомъ каждая рѣчь содержитъ въ себѣ или возраженія или

новыя мысли, или наконецъ совершенно уничтожаетъ мнѣніе, утверждаемое въ началѣ разговора.

§ 4. Для лучшихъ успѣховъ въ семъ родѣ сочиненій потребно предварительное, основательное изученіе тѣхъ истинъ, которыя хотимъ доказать, и сверхъ того нужно подробное свѣдѣніе о свойствѣ и силахъ душевныхъ, которыя, при разсужденіи, имѣютъ свой особенной ходъ, особенной способъ понимать, прилично характеру лица говорящаго. Сей характеръ долженъ быть выдержанъ отъ начала до конца разговора, Прибавьте къ тому искусное расположеніе, натуральной порядокъ, легкой и свободной ходъ разсужденія; разговоръ дѣлается чрезъ то болѣе вѣроятнымъ, болѣе занимательнымъ. Въ семъ случаѣ помогаетъ намъ сильнѣе Природа, нежели искусство.

§ 5. Есть разговоры, которые имѣютъ предметомъ своимъ въ особенности изображеніе характеровъ. Въ такомъ случаѣ Писатель обязанъ сначала, какъ можно точнѣе, опредѣлить границы сихъ характеровъ; они должны быть отличны не только въ образѣ

разговора, или разсказа, но въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ.) Если сіи лица взяты изъ Исторіи, то Автору ничего болѣе не остается, какъ слѣдовать свидѣтельствамъ Историка, или мнѣнію народа, общимъ согласіемъ подтвержденному. (Онъ должень внимательно замѣчать всѣ отличительныя черты дѣйствующаго лица, состояніе, возрастъ, главное намѣреніе, вкусъ, ему современный, и собственный образъ его мыслей; отъ этаго зависитъ тонъ разговора и самая продолжительность или краткость рѣчей.)

§ 6. Отъ *положенія*, въ которомъ находится говорящее лице, зависитъ, по большой части, *живость* и *красота разговора*, которой обыкновенно бываетъ тѣмъ прелестнѣе, чѣмъ болѣе трогательно его содержаніе; хорошо, когда оно драматическое и заключаетъ въ себѣ дѣйствіе. Разговоры становятся еще прекраснѣе, если лица представлены будутъ въ *противоположеніи.* Щастливое обработываніе сего рода сочиненій предполагаетъ всегда въ Писателѣ духъ наблюдательный, остроуміе и глубокое знаніе человѣческаго сердца, соединенное съ безцѣннымъ да-

ромъ выражаться легко, натурально и разнообразно.)

§ 7. Между древними Писателями отличились въ сочиненіи разговоровъ слѣдующіе: *Платонъ*, *Эсхинъ*, *Лукіанъ* и *Цицеронъ*; между новѣйшими: *Фенелонъ*, *Фонтенель*, *Вернетъ*, *Лордъ Лительтонъ*, *Лессингъ*, *Мендельзонъ*, *Виландъ*, *Энгель* и пр.

IV.

Учебныя сочиненія.

§ 1. *Догматическими* или учебными сочиненіями называемъ мы тѣ, въ которыхъ предлагаются или доказываются истины общеполезныя, служащія къ наученію ума, или образованію нашего сердца. Сей родъ сочиненій можно раздѣлить на два разряда: на *разсужденія* и на *учебныя книги*. Первыя занимаются обыкновенно одною отдѣльною истиною; другія представляютъ намъ многія истины въ связи и порядкѣ.

§ 2. Отличительныя свойства слога сихъ сочиненій суть тѣ же, кото-

рыя приписали мы прежде слогу низкому, или народному. Если Писатель имѣетъ главною своею цѣлію наученіе и убѣжденіе разсудка; слѣдовательно ясность и точность въ мысляхъ и слогѣ должны быть необходимымъ условіемъ догматическаго творенія. Всѣ Ораторскія украшенія, служащія къ воспламененію страстей и воображенія, не имѣютъ здѣсь мѣста. Впрочемъ, для того, чтобъ сей слогъ не былъ слишкомъ сухъ, однообразенъ и утомителенъ, позволяется Автору употреблять историческія отступленія, примѣры и описанія характеровъ.

§ 3. Подъ разсужденіемъ разумѣемъ мы связное, стройное сочиненіе, въ которомъ Писатель объясняетъ, или доказываетъ теоретическую или практическую истину. Сія истина должна имѣть собственную важность, и можетъ относиться или къ наукамъ, или къ изслѣдованіямъ историческимъ, такъ какъ предметъ защищенія, или опровержения. Содержаніе разсужденій можетъ быть столько же многоразлично, сколь безчисленны предметы въ Природѣ и наукахъ. Самый способъ сочинять ихъ измѣняется без-

престанно, по существу матерій, по намѣренію Автора, — и смотря по тому, требуетъ болѣе или менѣе остроумія, точности и строгости въ изслѣдованіяхъ. Разсужденіе, взятое въ тѣсномъ смыслѣ, означаетъ ту часть сочиненія, которая находится въ срединѣ его, между началомъ и концемъ.

§ 4. Съ перваго взгляда видно, что Риторика можетъ показать намъ только форму, какъ располагать разсужденія. Всѣ прочія правила, относящіяся къ разбору, доказательствамъ и изложенію матерій, должна дать намъ *Логика*. Она научаетъ насъ мыслить здраво, и показываетъ методу, соотвѣтственную каждой наукѣ и каждой отдѣльной истинѣ. И такъ мы бы преступили границы, себѣ назначенныя, если бы здѣсь занялись подробнымъ разсматриваніемъ того, что называется началомъ и существомъ доводовъ, предложеній, доказательствъ, философскихъ преній и проч. Но поелику во всякомъ сочиненіи матерія и форма совершенно нераздѣльны, и зависятъ другъ отъ друга: то мы упомянемъ здѣсь вкратцѣ о томъ, что онѣ имѣютъ общаго между собою.

§ 5. Всѣ *предложенія*, которыя служатъ предметомъ ученыхъ разсужденій, могутъ быть раздѣлены на два рода: на *общія* и *частныя* или *особенныя*. *Качества* предложенія, по которымъ оно бываетъ или утвердительное, или отрицательное, не могутъ имѣть никакого особеннаго вліянія на слогъ Риторической, но производятъ только нѣкоторыя случайныя формы для стороны защищающей и опровергающей. Во всѣхъ общихъ предложеніяхъ надобно наблюдать полноту и точность отношеній между подлежащимъ и сказуемымъ: таковы предложенія философскія, метафизическія и вообще математическія. Особенныя предложенія напротивъ того имѣютъ ограниченной и частной кругъ сказуемаго; оно предполагаетъ нѣкоторые только роды и классы, и относится часто къ извѣстнымъ лицамъ, временамъ, мѣстамъ и пр. Таковы суть историческія изслѣдованія, предпринимаемыя по особенному случаю для особенныхъ предметовъ.

§ 6. Всякое разсужденіе имѣетъ предметомъ своимъ доказательство истины даннаго предложенія; оно до-

стигаетъ своей цѣли посредствомъ объясненія, раздробленія и раскрытія всѣхъ понятій, заключенныхъ въ цѣломъ и въ связи между частями; потомъ употребляетъ доводы, которые производятъ очевидность истины, утверждаемой или опровергаемой.

Лучшія и сильнѣйшія доказательства суть тѣ, которыя почерпаются изъ самаго существа и свойствъ доказываемой вещи. Кромѣ сихъ, онѣ могутъ быть или историческія, или взятыя изъ наукъ, или такія наконецъ, которыхъ требуютъ выгоды самого того, кого убѣждаемъ. Сіи послѣднія называются побудительными причинами, и берутся по большой части изъ общественной жизни.

§ 7. *Источники* доводовъ, употребляемыхъ въ разсужденіи или рѣчи, весьма многоразличны. Въ общихъ разсужденіяхъ заимствуются они отъ опредѣленія предмета, отъ главныхъ свойствъ вещи, отъ обстоятельствъ предмета, или отъ его слѣдствій, отъ способовъ, посредствомъ которыхъ онъ дѣйствуетъ, отъ подобныхъ случаевъ, отъ примѣровъ, отъ противнаго, и наконецъ отъ свидѣтельствъ и приз-

наковъ, заслуживающихъ вѣроятіе. Въ особенныхъ предложеніяхъ лице, время, мѣсто, случай и проч. суть обыкновенные источники доводовъ. Сіи последніе у древнихъ Риторовъ назывались *общими мѣстами*; онѣ составляли въ ихъ наукѣ собственно систему изобрѣтенія, которой правила болѣе вредны, нежели полезны.

§ 8. Сверхъ того надобно смотрѣть на *достоинство* самаго предложенія. Отъ хорошаго выбора въ семъ случаѣ зависитъ занимательность и щастливое расположеніе цѣлаго. Предложенія должны быть важны по своему вліянію; истина, точность, богатство и краткость суть необходимыя ихъ свойства; чѣмъ болѣе заключаютъ онѣ въ себѣ сихъ свойствъ, тѣмъ быстрѣе и надежнѣе дѣйствуютъ на вниманіе читателя, тѣмъ обильнѣе въ доказательствахъ, тѣмъ удобнѣе для самого Автора.

§ 9. Всякое разсужденіе требуетъ *плана*, или предварительнаго начертанія, по которому всѣ части его сохраняютъ свою взаимную связь и порядокъ. Сначала предлагается *вступленіе*, которое, будучи взято изъ са-

мой матеріи, ведетъ насъ къ ней натуральнымъ порядкомъ; потомъ слѣдуетъ *разсужденіе*, или изложеніе самаго предмета посредствомъ доказательствъ, примѣровъ и проч; наконецъ читаете вы *заключеніе*, въ которомъ все цѣлое представляется кратко, съ большею живостію и разительностію: это есть послѣдній взоръ Писателя, который обнимаетъ все вдругъ и въ надлежащей связи, согласно съ его намѣреніемъ. Всѣ сіи части разсужденія должны быть соединены искусными переходами отъ одной къ другой.

§ 10. Когда догматическое разсужденіе не ограничивается одною истиною, но имѣетъ предметомъ своимъ послѣдствіе многихъ истинъ; тогда происходятъ уже учебныя книги, или *системы*, въ которыхъ всѣ части какого нибудь искусства, или науки представляются въ такомъ порядкѣ, чтобы онѣ могли подкрѣплять другъ друга, чтобы послѣдующее зависило отъ предыдущаго, и одно другимъ объяснялось. Здѣсь всѣ доказательства и ихъ *начала* могутъ быть иногда отвлеченныя, иногда всеобщія, или на вѣроятіи основанныя положенія, или опы-

ты, самымъ событіемъ подтвержденные. — Сообразно сему, самыя системы бываютъ различныхъ родовъ.

§ 11. Каждая учебная книга, относящаяся къ искусству или наукѣ, имѣетъ свою опредѣленную *цѣль*, которая зависитъ непосредственно отъ ея началъ. — Сія цѣль должна быть столько очевидна, чтобы слушатель, или учащійся могъ всегда обнять однимъ взглядомъ всю обширность предлагаемой ему науки; чтобъ онъ зналъ подробно всѣ ея занятія, отношенія, потребности и пользу, и, такъ сказать, присвоилъ ее самому себѣ. — Къ сему способствуетъ не только общее разсмотрѣніе всѣхъ истинъ, положеній, доказательствъ и слѣдствій; но также ихъ принаровленіе къ другимъ наукамъ и случаямъ жизни, ихъ связь между собою, и самая Исторія успѣховъ науки, къ которымъ онѣ принадлежатъ.

§ 12. При всемъ великомъ многоразличіи между науками и искусствами, нѣтъ нужды вымышлять отдѣльныя для нихъ правила въ разсужденіи *плановъ* и способа предлагать ихъ. — Существо каждой науки, цѣль ея, нуж-

ды и способности тѣхъ, для которыхъ назначена учебная книга: вотъ все, что можетъ произвести нѣкоторыя измѣненія и отличія въ ея расположеніи и ходѣ. — *Полнота, порядокъ, ясность* и *краткость,* — главныя свойства всякой учебной книги. — О слогѣ народномъ или догматическомъ говорили мы уже прежде.

§ 13. *Метода*, которая употребляется во всѣхъ разсужденіяхъ и учебныхъ книгахъ, бываетъ двоякая: *аналитическая* и *синтетическая.* — Подробное объясненіе того и другаго порядка принадлежитъ къ Логикѣ. Первой стремится отъ частныхъ замѣчаній ко всеобщимъ истинамъ; другой начинаетъ всеобщими и многообъемлющими положеніями, и переходитъ къ частнымъ, въ нихъ содержащимся положеніямъ. Метода аналитическая способствуетъ особенно къ скорѣйшему разсмотрѣнію истины въ такихъ случаяхъ, когда замѣченное нами сходство между нѣкоторыми частями предметовъ ведетъ насъ къ общему заключенію. Она есть метода изобрѣтенія. — Синтетическая метода напротивъ того болѣе полезна въ ученіи; потому

что гораздо легче и скорѣе можно показать въ одномъ всеобщемъ положеніи многія частныя, его составляющія, нежели въ частныхъ случаяхъ и предложеніяхъ открывать общее и новое.

Мы не можемъ помѣстить здѣсь великаго множества древнихъ и новыхъ Писателей, отличившихся въ семъ родѣ сочиненій; довольно упомянуть о важнѣйшихъ изъ тѣхъ, которыхъ книгами и учеными разсужденіями пользуемся мы и теперь. — Таковые изъ Грековъ: *Ксенофонъ*, *Плутархъ*, *Аристотель* и *Лонгинъ*; между Римлянами: *Цицеронъ*, *Квинтиліанъ* и *Сенека*; между Италіянцами: *Махіавель*, *Гравина*, *Алгаротти* и *Беттинелли*; изъ Французовъ: *Монтань*, *Фенелонъ*, *Сент-Эвремонъ*, *Фонтенель*, *Монтескіо*, *Кондильякъ*, *Батё*, *Гельвецій*, *Руссо*, *Вольтеръ*, *Дидеротъ*, *д'Аламберъ* и *Мармонтель*; между Англичанами: *Стиль*, *Адиссонъ*, *Локкъ*, *Лордъ Болинброкъ*, *Шафтесбури*, *Юмъ*, *Джонсонъ*; изъ Нѣмцовъ: *Геллертъ*, *Рабенеръ*, *Шлегель*, *Крамеръ*, *Лессингъ*, *Виландъ*, *Мендельзонъ*, *Сульцеръ*, *Циммерманъ*, *Эбергардъ*, *Кампе*, *Якоби*, *Лихтенбергъ*, *Платнеръ*,

Энгель, *Гарве*, *Мейнерсъ*, *Шреккъ* и пр. — Изъ Рускихъ: *Тредьяковскій*, *Ломоносовъ*, *Крашенинниковъ*, *Румовскій*, *Гурьевъ*, *Барсовъ* и пр.

V.

Исторія.

§ 1. Философъ и Историкъ отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что одинъ имѣетъ въ виду своемъ общую истину, а другой напротивъ того занимается отдѣльными случаями и происшествіями жизни. И такъ историческое повѣствованіе разнится отъ догматическаго, или отъ ученыхъ разсужденій, тѣмъ, что сіи послѣднія имѣютъ предметомъ своимъ умствованія и предположенія, а первое — дѣянія и приключенія людей. Исторія почти необязана изыскивать и открывать причины происшествій; но она должна разсказать ихъ въ томъ самомъ порядкѣ и связи, въ какой они другъ за другомъ слѣдовали.

§ 2. Прежде нежели разсмотримъ мы различные роды историческаго повѣствованія, представимъ теперь нѣкоторыя всеобщія правила, которыя

непосредственно проистекают изъ его существа и цѣли. Первое и необходимое свойство всякаго разсказа есть *ясность*, которая состоитъ въ томъ, чтобъ всѣ обстоятельства происшествія, сами по себѣ и по взаимному ихъ отношенію, представлены были въ надлежащемъ свѣтѣ; чтобъ онѣ продолжались и раскрывались въ порядкѣ натуральномъ и въ свое время. — Историкъ долженъ опредѣлить ихъ точно и основательно, и не пропустить ничего, что служитъ къ утвержденію подлинности произшествія, или, что можетъ показать ихъ съ лучшей стороны, дабы тѣмъ удобнѣе возбудить и удовлетворить любопытство читателя. И такъ подъ историческою ясностію разумѣть должно и *порядокъ*, и *полноту*.

§ 3. Не менѣе похвальна въ хорошемъ повѣствованіи *краткость* въ мысляхъ и выраженіяхъ. Она зависитъ отъ правильнаго понятія о вещахъ, и отъ нѣкоторой мудрой скромности въ образѣ объясненія. Сюда принадлежитъ благоразумный *выборъ* обстоятельствъ, принадлежащихъ къ главному предмету. Историкъ избираетъ изъ нихъ важнѣй-

шія, опускаетъ незанимательныя, и не мучитъ читателя малозначущими эпизодами и отступленіями. Самой слогъ исторической не терпитъ ничего безполезнаго и излишняго; приличная краткость доставляетъ ему живость и выразительность. При семъ остерегаться должно, чтобъ неумѣренное стараніе сдѣлать слогъ свой краткимъ, сильнымъ и яснымъ, не сдѣлало его темнымъ.

§ 4. *Занимательность* повѣствованія зависитъ или отъ важности самаго содержанія, или отъ искуснаго расположенія историческихъ происшествій. Чѣмъ болѣе, чѣмъ обширнѣе вліяніе повѣствуемаго приключенія по его связямъ, обстоятельствамъ и послѣдствію, чѣмъ примѣчательнѣе люди, дѣйствующіе въ ономъ, чѣмъ чрезвычайнѣе и нечаяннѣе перемѣны: тѣмъ сильнѣе повѣствованіе дѣйствуетъ на читателя, тѣмъ долѣе остается оно въ памяти. — Самый слогъ Историка можетъ быть дѣйствительнымъ средствомъ къ возбужденію вниманія, любопытства и участія. Мы въ послѣдствіи замѣтили главныя красоты историческаго слога.

§ 5. Историческої слогъ по большей части относится къ слогу среднему: умѣренныя украшенія возвышаютъ его предъ простонароднымъ; но онъ рѣдко позволяетъ себѣ великолѣпіе высокаго. Сіи красоты заключаются или въ самомъ существѣ содержанія, или въ мысляхъ и оборотахъ, или въ приличной живописи характеровъ и мѣстоположенія, въ которомъ производится дѣйствіе: или въ чувствахъ, возбуждаемыхъ трогательными сценами и проч. Кромѣ того совершенно историческої слогъ требуетъ какой-то безъискусственной простоты, которую можно почесть лучшимъ средствомъ для доставленія ему живости и силы. Излишество вездѣ вредно. Историкъ, не умѣряющій себя въ украшеніяхъ, можетъ сдѣлать самую истину подозрительною.

§ 6. Главныя вспомоществующія части повѣствовательнаго рода суть слѣдующія: *характеры* (когда они представляются отдѣльно), — *жизнеописаніе* или *біографія*, *вымышленныя повѣствованія* и *истинная Исторія*. Мы скажемъ кратко о каждой изъ сихъ частей.

I. *Характеры.*

§ 7. Подъ именемъ *характера* разумѣемъ мы собственное отличiе всякой вещи, посредствомъ котораго получаетъ она свою видимую отдѣльность и разнится отъ всѣхъ другихъ предметовъ. И такъ характеръ человѣка составляютъ ему только принадлежащiя нравственныя и физическiя свойства, а особливо первыя, то есть, врожденныя и прiобрѣтенныя способности чувствованiя, склонности и привычки, образъ мыслей и поведенiя. Главная основа характеровъ весьма многоразлична; она измѣняется по народамъ, по временамъ, по состоянiю, по возрасту, образу жизни и воспитанiя, по духу народа, по темпераментамъ и привычкамъ.

§ 8. На сiи-то основы характера долженъ обращать Писатель особенное вниманiе; его дѣло угадать, которыя изъ нихъ въ томъ, или другомъ случаѣ суть подлинные источники мыслей, чувствованiй и поступковъ человѣковъ. Сiе разсужденiе предполагаетъ въ немъ духъ наблюдательный и глубокое познанiе сердца человѣческа-

го, — плодъ продолжительнаго чтенія, замѣчаній и опытовъ весьма многихъ. Всѣ характеры, взятые изъ Природы, принадлежатъ къ Исторіи; но сію почесть заслуживаютъ въ особенности тѣ, которые отличаются особливыми великими свойствами. Характеры, совершенно вымышленные, или слишкомъ обыкновенные, рѣдко бываютъ занимательны.

§ 9. *Изображеніе характеровъ* требуетъ вѣрности и правильности какъ въ цѣломъ, такъ и въ самыхъ малѣйшихъ измѣненіяхъ и оттѣнкахъ, точности и живости въ образѣ разговора и дѣйствіяхъ, такъ чтобъ ничего не оставалось сомнительнаго и обоюднаго. Они должны сохранить отъ начала до конца ревность и согласіе въ поступкахъ и въ ходѣ мыслей, вѣроятность и природу, особливо когда они вымышлены. Чтобы придать имъ болѣе живости и силы, Писатель представляетъ ихъ въ извѣстной противоположности одинъ съ другимъ. Разительность, краткость и какая-то *особенность* составляютъ плѣнительную красоту таковой живописи.

§ 10. Характеры истинные и вымышленные гораздо чаще могутъ встрѣчаться въ Исторіи, какъ часть повѣствованія о многихъ предметахъ, или историческихъ происшествіяхъ. Впрочемъ на нихъ можно смотрѣть какъ на особенный повѣствовательный родъ писаній, который имѣетъ цѣлію своею нравоученіе посредствомъ добрыхъ примѣровъ. *Ѳеофрастъ* изъ древнихъ и *Лабрюеръ* изъ новѣйшихъ Писателей отличились въ семъ родѣ сочиненій.

II. *Біографія.*

§ 11. *Біографія* или жизнеописаніе есть повѣствованіе о судьбѣ, поступкахъ и свойствакъ какой-нибудь знаменитой особы. Сей родъ сочиненій требуетъ тѣхъ же самыхъ правилъ, которыя упомянуты нами, когда говорили о разсказѣ и характерахъ. Прибавимъ нѣсколько словъ. — Біографъ долженъ избирать такія лица, которыхъ жизнь сама по себѣ занимательна и богата происшествіями, которыя или саномъ своимъ, или отмѣнными заслугами, или страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ и перемѣнъ щастія обратили на себя всеобщее вниманіе. Цѣль Біографа и цѣль Историка въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ различны другъ отъ друга. Послѣдній описываетъ происшествія въ связи и порядкѣ; первой болѣе всего смотритъ на дѣйствующую особу, и старается со всею возможною подробностію отличить разительно ея характеръ.

§ 12. Біографія, кромѣ высокаго и занимательнаго, должна имѣть еще статьи нравоучительныя и ученыя, служащія къ распространенію познаній. Для достиженія сего, Писатель въ жизни знаменитой особы избираетъ только такія обстоятельства, которыя могутъ довести читателя до новыхъ важнѣйшихъ и полезныхъ замѣчаній о человѣкѣ, или Природѣ. Между многоразличными случаями жизни, превратностями, слабостями и дѣйствіями онъ описываетъ особенно тѣ, которыя должны служить урокомъ, или спасительнымъ примѣромъ для подражанія. Біографія оправдываетъ древнее мнѣніе, всѣми принятое, что хорошій примѣръ гораздо дѣйствительнѣе всѣхъ философскихъ наставленій и правилъ.

§ 13. Мы прежде замѣтили, что *точность* и *любовь къ истинѣ* составляютъ священную обязанность кажда-

го Историка; то же самое предписывается Біографу, особливо когда его сочиненія заключаютъ въ себѣ не вымышленныя, или идеальныя происшествія и лица, но дѣйствительныя событія, основанныя на вѣрнѣйшихъ Историкахъ или преданіяхъ. Онъ долженъ представить въ ясномъ свѣтѣ всѣ дѣянія особы, имъ описываемой, показать начало и вліяніе оныхъ, отличить заслуги и достоинства безъ малѣйшаго пристрастія, не укрыть отъ читателя недостатковъ и пороковъ, наконецъ упомянуть о намѣреніяхъ, о дурныхъ и добрыхъ предпріятіяхъ, хотя бы онѣ были неудачны, или служили къ помраченію славы описываемаго характера.

§ 14. Между обстоятельствами жизни знаменитаго человѣка есть особенно важныя и не столько важныя. Послѣднія, для сохраненія надлежащей полноты, не должны быть пропускаемы, но упомянуты слегка; другія напротивъ требуютъ особливой тщательности и подробностей. Чѣмъ болѣе сіи обстоятельства имѣютъ связь съ одновременными происшествіями какого-нибудь цѣлаго народа, тѣмъ болѣе

обнаруживаются и разборчивость и труды Историка. Въ такомъ случаѣ говорить о народѣ, который облагодѣтельствованъ и прославленъ Героемъ, говорить объ его вліяніи не только не противно вкусу, но и похвально, такъ какъ средство, служащее къ объясненію цѣлой Біографіи; это особенно относится къ Мужамъ, которые произвели новую эпоху въ правленіяхъ, въ религіи, въ наукахъ и проч.

§ 15. *Слогъ біографической* требуетъ всѣхъ тѣхъ достоинствъ (ясности, порядка, живости, свободы), которыя необходимы для каждаго рода историческихъ сочиненій. Онъ позволяетъ себѣ только скромное украшеніе, удаляется всего панигирическаго и напыщеннаго; — бываетъ всегда ровенъ, цвѣтущъ и разнообразенъ. Особенно біографической Писатель долженъ отличаться какою-то доброю, естественною простотою въ выраженіяхъ, не слишкомъ обыкновенныхъ и не слишкомъ искусственныхъ; о нѣкоторыхъ мѣлкихъ обстоятельствахъ онъ только намекаетъ, другія описываетъ съ подробностію, иныя представляетъ догадкѣ читателя.

§ 16. Образцы въ семъ родѣ сочиненій между древними: *Ксенофонтъ, Плутархъ, Діогенъ Лаэрцій, Корнелій Непотъ, Тацитъ* и *Светоній.* Между новѣйшими: *Флешье, Фонтенель, Люд. Расинъ, Вольтеръ, Варбуртонъ, Мидлетонъ, Жонсонъ, Шреккъ, Николаи, Гердеръ,* и проч.

III. Романы.

§ 17. Романъ бываетъ по большой части повѣствованіе *вымышленное;* но правила въ разсужденіи расположенія и слога суть тѣ же самыя, которыя относятся и къ истиннымъ повѣствованіямъ. Впрочемъ сей родъ принадлежитъ болѣе къ стихотворнымъ, нежели къ прозаическимъ родамъ; и потому Писатель романа долженъ знать еще нѣкоторыя наставленія Піитики. Щастливое изобрѣтеніе главнаго содержанія и подробностей, новость и занимательность какъ въ самыхъ происшествіяхъ, такъ и въ образѣ разсказа, искусство описывать характеры дѣйствующихъ особъ, красота и пріятность слога: вотъ необходимыя свойства романическаго повѣствованія.

§ 18. Вымышленныя повѣствованія отличаются другъ отъ друга ихъ содержаніемъ, формою и слогомъ. Самыя короткія изъ нихъ называются *повѣстями*; а когда ихъ содержаніе основано на народныхъ разсказахъ и небыточныхъ чудесностяхъ, принимаютъ онѣ названіе *сказокъ*. Главное достоинство ихъ состоитъ въ слогѣ, который отличается легкостію, натуральною живостію и нѣкоторою простотою. Отъ сказокъ не требуется ни особливой точности въ расположеніи, ни строгаго вѣроятія; довольно, если вымыслъ повѣствованія не останавливаетъ и не оскорбляетъ вниманія своею уродливостію, если онъ не далѣе областей возможности. Времена рыцарскія и баснословныя царства Фей суть обыкновенные магазины для сего рода сочиненій.

§ 19. *Романами* собственно называются гораздо пространнѣйшія повѣствованія. Ихъ содержаніе всегда разнообразнѣе, плодовитѣе; слогъ исполненъ большихъ измѣненій. По существу своему и по правиламъ сочиненія, весьма сходны съ героическими Поэмами; но басня романовъ не имѣетъ

ни величія, ни важности Эпопеи; она не представляетъ намъ многихъ лицъ героическихъ и многихъ подвиговъ, но по большой части относится къ одному человѣку. Сверхъ того чудесное въ романѣ никогда не должно выходить изъ предѣловъ Природы, что обыкновенно бываетъ въ Поэмѣ, самый слогъ долженъ быть менѣе стихотворнымъ, менѣе смѣлымъ, менѣе украшеннымъ; онъ ограничивается пріятностями чистой и легкой прозы.

§ 20. *Содержаніе* романовъ бываетъ или историческое, или совершенно вымышленное, и притомъ двухъ родовъ: или важное, или комическое. Романъ рыцарской занимаетъ средину между сими двумя родами. Въ важныхъ романахъ Писатель имѣетъ предметомъ своимъ живое, разительное изображеніе Природы и нравственной жизни; онъ старается занять, тронуть и научить читателя. Комическій родъ романовъ посвященъ увеселенію, посредствомъ смѣшнаго, страннаго, нелѣпаго и чудеснаго. Всѣ согласны въ томъ, что для сочиненія забавнаго романа гораздо болѣе требуется силы изобрѣтенія и какой-то разительной ориги-

нальности въ характерѣ и духѣ Писателя; впрочемъ тотъ и другой родъ равно предполагаетъ глубокое познаніе человѣческой природы и богатое воображеніе.

§ 21. Прежде всего Сочинитель долженъ сдѣлать хорошій *выборъ* содержанія для своего романа. Пусть оно изобилуетъ любопытными случаями, привлекательными и разнообразными характеровъ и мѣстъ описаніями; потомъ обращаетъ онъ свое вниманіе *на приведеніе въ дѣйство* своего вымысла; для сего нужны благоразумной *планъ* и искусство изъяснить свои мысли и чувства, — искусство трудное и обширное! Прибавьте къ сему нѣкоторыя правила Эпической и Драматической Поэзіи. Потребенъ великой талантъ, чтобы избрать соотвѣтственное цѣли расположеніе; чтобъ знать мѣсто и мѣру для каждаго эпизода; чтобы удачно составить завязку и развязку; чтобы живописать страсти въ надлежащей ихъ силѣ и степени; однимъ словомъ, чтобы умѣть сохранять отъ начала до конца возбужденное вниманіе читателя, питать его воображеніе безпрестанно новою пищею, и ни мало не

утомляя, держать въ безпрерывномъ движеніи силы и способности души и сердца.

§ 22. Изъ всего этаго видно, что романы по многимъ отношеніямъ принадлежатъ къ родамъ стихотворнымъ. Самая цѣль ихъ должна быть двоякая: нравиться и научать, дѣйствовать на воображеніе и на чувства. Романъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе онъ удовлетворилъ симъ требованіямъ. Пріятность не состоитъ въ искусствѣ забавлять, и нравоученіе не заключается въ однѣхъ книгахъ воспитанія; онѣ живутъ въ прелестномъ и точномъ подражаніи Природѣ, которая представляетъ неистощимое богатство для занятія воображенія, непреложныя правила для нашего сердца и благородную работу для нашего ума. Такимъ образомъ чтеніе романовъ можетъ образовать и вкусъ и чувство; оно знакомитъ насъ съ обычаями свѣта и человѣческою природою; оно доставляетъ намъ времяпрепровожденіе невинное и пріятное. Романъ, въ которомъ торжествуетъ порокъ, въ которомъ царствуютъ обольстительное распутство и дурныя страсти, достоинъ всеобщаго презрѣнія.

§ 23. *Форма* и *одежда* романовъ весьма многоразличны, и часто самое сіе измѣненіе возвышаетъ ихъ достоинство. Форма сія бываетъ:

1) *Историческая*, или повѣствовательная, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно представить происшествіе просто въ его продолженіи, связи и подробностяхъ.

2) *Драматическая*, или разговорная, — тамъ, гдѣ главное искусство Писателя устремлено на живопись характеровъ. Та и другая форма романовъ могутъ быть иногда вмѣстѣ. Романы бываютъ также въ *письмахъ*; дѣйствующія особы переписываются между собою, и въ порядкѣ ихъ переписки сохраняется порядокъ, которому слѣдовало происшествіе.

§ 24. Романы у древнихъ не были извѣстны (разумѣется, въ томъ видѣ, въ какомъ они нынѣ существуютъ); всѣ вымышленныя повѣствованія Грековъ и Римлянъ облекаемы были въ одежду Поэзіи. — Отъ позднихъ временъ древности остались намъ творенія Греческихъ Писателей, которыя можно отнести къ сему роду. Въ нихъ

описана любовь, и потому онѣ называются обыкновенно *Эротическими.* — Сіи Писатели: *Геліодоръ*, *Ахиллесъ Тацiусъ*, *Лонгусъ*, *Евстафій*, *Харитонъ*, *Ксенофонъ Эфесскій*, *Аристенетъ* и *Альцифронъ.* Сюдаже нѣкоторымъ образомъ принадлежатъ отрывки *Лукіана* и *Апулея.*

§ 25. Вскорѣ по возстановленіи наукъ явились у всѣхъ народовъ романы, писанные по большей части стихами. Почитаемъ излишнимъ приводить здѣсь великое множество Авторовъ, которые занимались симъ родомъ сочиненій. — Довольно вспомнить о важнѣйшихъ. Между Испанцами отличились: *Сервантъ*, *Кеведо* и *Гуртадо де Мендоза.*

§ 26. Изъ великаго множества старыхъ *Италіянскихъ* романовъ ни одинъ не заслуживаетъ особливаго вниманія. Въ самое цвѣтущее время Литтературы своей Италіянцы ограничивались краткими прозаическими повѣстями. — Знаменитѣйшіе Писатели въ семъ родѣ *Бокачіо*, *Банделло*, *Джіовани*, *Цинтіо*, *Санзовино*, *Страпароля* и *Сакчетти.* Новѣйшіе романы Италіянцовъ суть по большой части подража-

ніе, или переводы иностранныхъ; сочиненія *Хіари* и другихъ всѣ почти весьма продолжительны и скучны.

§ 27. Первые романы Французовъ относятся ко временамъ возраждающейся Литературы. Предпослѣднее столѣтіе даровало имъ истинное достоинство и занимательность. Между безчисленнымъ множествомъ романистовъ отличаются: *Прево*, *Мариво*, *Лесажъ*, *Кребильонъ*, *Руссо*, *г-жа Риккобони*, *Вольтеръ*, *Мармонтель*, *д'Арно*, *Флоріанъ*, *г-жа Жанлисъ*, *г-жа Сталь*, и проч.

§ 28. Между Англичанами романъ достигнулъ большаго совершенства посредствомъ вѣрнаго и точнаго изображенія человѣческой природы, также превосходными нравоученіями и силою чувствованій, дѣйствующихъ на душу читателей. Кто не знаетъ *Ричардсона*, *Филдинга*, *Стерна*, *Голдсмита*, *Миссъ Бурней* и проч.?

§ 29. Въ Германіи писали романы очень давно, но самые древнѣйшіе показываютъ всѣ почти недостатокъ вкуса; за то въ новѣйшихъ романахъ Нѣмцы сравнились со всѣми лучшими

народами. Отличные писатели въ семъ родѣ: *Галлеръ*, *Виландъ*, *Гёте*, *Николаи*, *г-жа Ларошъ*, *Гермесъ*, *Душъ*, *Миллеръ*, *Мейснеръ*, *Везель*, *Шуммель*, *Музеусъ*, *Юнгъ*, *Смитъ*, *Августъ Лафонтенъ* и *Коцебу*.

IV. Исторія.

§ 30. Главныя правила историческаго повѣствованія, или Исторіи, показаны нами прежде; теперь упомянемъ еще о тѣхъ немногихъ, которыя относятся къ такъ называемой подлинной Исторіи. Поелику область ея весьма обширна, поелику она обнимаетъ всѣ происшествія, взятыя изъ Природы, изъ жизни гражданственной, изъ церковнаго и ученаго свѣта: то и примѣненіе сихъ правилъ, смотря по разности предметовъ, должно быть весьма многоразлично.

§ 31. Впрочемъ, какъ бы предметы Исторіи различны ни были, всегда находятся они въ извѣстной связи, а потому имѣютъ многія, общія всѣмъ, свойства. Искренность, любовь къ справедливости, безпристрастіе, остроуміе и быстрый проницательный взглядъ, точность и постоянное тер-

пѣніе при разсматриваніи происшествія, свобода отъ всѣхъ страстей, отъ всѣхъ изступленій воображенія, свѣдѣнія о всѣхъ другихъ Государствахъ и народахъ, богатство въ источникахъ вѣрныхъ, здравый разсудокъ и глубокое познаніе сердца человѣческаго: вотъ существенныя качества и способности хорошаго Историка!

§ 32. *Матеріалы* Исторіи бываютъ различныхъ родовъ. Къ нимъ относятся или отдѣльные случаи, обстоятельства и приключенія; или изслѣдованіе причинъ и источниковъ, отъ которыхъ онѣ произошли; или открытіе слѣдствій, могущихъ впредь случиться; или рѣчи, которыя говорили дѣйствующія лица, или по крайней мѣрѣ могли бы говорить по вѣроятности; или описаніе примѣчательныхъ странъ, земель и мѣстъ, или наконецъ разсужденія самого Писателя, выведенныя изъ происшествій, и приличныя отступленія, относящіяся къ лицамъ, временамъ и мѣстамъ, о которыхъ говорится. Обыкновенно всѣ сіи матеріалы соединены бываютъ въ хорошей Исторіи.

§ 33. Въ семъ случаѣ, такъ какъ и вездѣ, авторъ долженъ наблюдать необходимо нужную полноту, выборъ и связь; сообразно своей цѣли, онъ соединяетъ и располагаетъ цѣлое твореніе. Историческое *единство* требуетъ, чтобы въ слогѣ повѣствовательномъ всѣ произшествія, случаи и обстоятельства приведены были къ одной всеобщей точкѣ зрѣнія. Намѣреніе Историка состоитъ или въ наученіи, или въ удовольствіи. Онъ никогда не теряетъ изъ виду главнаго происшествія; но, чтобы сильнѣе доказать его подлинность и истину, должно доказать истину всѣхъ частныхъ приключеній, которыя къ нему относятся; я разумѣю подъ сими словами всѣ случаи, всѣ описанія мѣстъ и времени, всѣ побудительныя причины, порядокъ, вліяніе и слѣдствія ихъ отдаленныя. И такъ истинный Историкъ долженъ быть вмѣстѣ и Политикъ.

§ 34. *Привязанность къ истинѣ* и *безпристрастіе* Историка могутъ обнаружиться въ описаніи характеровъ, которые выводитъ онъ на сцену. — При семъ случаѣ старается онъ показать подлинную степень ихъ влія-

нія, сокровенныя причины, образъ самаго дѣйствія и избираемыя имъ средства къ достиженію цѣли. Говоря о заслугахъ, обязанъ онъ представить ихъ, не возвышая и не унижая.

§ 35. Философъ обыкновенно поясняетъ свои истины примѣрами историческими; Историкъ напротивъ того самое происшествіе старается украшать краткими *разсужденіями*, особливо когда надобно открыть тайныя причины отдаленныхъ или близкихъ слѣдствій. Сіе искусство, кромѣ основательности въ доказательствахъ, требуетъ умѣренности скромной и благоразумной. Такія разсужденія должно позволять себѣ, сколько можно, рѣже, и давать случай читателю самому пользоваться догадкою. Самохвальство, самоувѣренность и напыщенное краснорѣчіе здѣсь совсѣмъ неприлично.

§ 36. Объ *отступленіяхъ* историческихъ мы говорили прежде; онѣ особенно пристойны повѣствованіямъ происшествія отдѣльнаго, ограниченнаго извѣстнымъ продолженіемъ времени. Въ такомъ случаѣ необходимо нужно знать о всѣхъ постороннихъ происшествіяхъ, относящихся къ глав-

ному; постепенное и подробное ихъ раскрытіе также должно соотвѣтствовать видамъ цѣлаго. При всѣхъ сихъ обстоятельствахъ и отступленіяхъ, Писатель никогда не забываетъ главнаго своего намѣренія; онѣ изображаются какъ части подчиненныя и принадлежащія важнѣйшему происшествію, для котораго служатъ токмо объясненіемъ.

§ 37. Въ началѣ Исторіи обыкновенно представляется *вступленіе* въ Исторію. Сочинитель предварительно знакомитъ читателя съ содержаніемъ своего сочиненія, и старается возбудить въ немъ всю потребную внимательность и участіе къ предмету, имъ повѣствуемому. Часто необходимо нужно бываетъ начать Исторію описаніемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ главному происшествію, причемъ упоминается также о нравахъ, обычаяхъ и естественномъ состояніи той земли, въ которой оно случилось; о времени, къ которому оно относится, и о лицахъ, въ немъ дѣйствовавшихъ; иногда, вмѣсто всякаго предисловія, представляется читателю сокращеніе всего того, что онъ послѣ разсказы-

вать будетъ, дабы заблаговременно поставить его въ надлежащую точку зрѣнія, и снабдить нужными предварительными свѣдѣніями.

§ 38. Въ повѣствованіи историческомъ очень много значитъ *порядокъ*, въ которомъ происшествія располагаются, или слѣдуютъ другъ за другомъ. Сей порядокъ бываетъ двоякой: а) порядокъ времени, или хронологическаго послѣдствія; b) порядокъ самыхъ происшествій, основанный на внутренней ихъ связи. — Въ послѣднемъ случаѣ Историкъ часто принужденъ бываетъ обращать взоры назадъ въ отдаленную древность, или описывать современное, или представлять въ догадкахъ будущее, для того чтобы доставить повѣствованію надлежащую полноту. Впрочемъ выборъ того или другаго порядка зависитъ отъ существа Исторіи или отъ особенной цѣли Историка. То и другое требуетъ заблаговременно начертанія плана, по которому назначается мѣсто для каждаго частнаго происшествія.

§ 39. О *слогѣ*, приличномъ собственно такъ называемой Исторіи, то же можно сказать, что мы сказали

прежде о слогѣ повѣствовательномъ вообще. Онъ отличается отъ Ораторскаго какою-то умѣренностію и хладнокровіемъ; но правильность и красоты ему также необходимы. — Онѣ должны быть соединены съ точностію и краткостію. Измѣненія, которыя дозволяетъ себѣ исторической слогъ и которыя доставляютъ ему свободу, пріятность и занимательность, происходятъ по большой части отъ вышесказанныхъ нами различій самаго содержанія; сіе послѣднее опредѣляетъ слогъ и мѣру творенія историческаго.

§ 40. Одна изъ преимущественныхъ красотъ Исторіи есть *живопись*, или искусство представлять происшествія такъ разительно и живо, какъ будто бы онѣ находились предъ нашими глазами. Она особенно можетъ встрѣтиться въ разсказѣ; она состоитъ въ драгоцѣнной способности замѣчать характерическія черты предметовъ и представлять ихъ кратко и сильно. Это предполагаетъ въ сочиненіи приличной выборъ, расположеніе и новую связь происшествій. Сюда принадлежатъ также рѣчи, разговоры, свиданія знаменитыхъ мужей и занимател-

ныя положенія, въ которыхъ представляются сіи послѣдніе.

§ 41. Для пріобрѣтенія истиннаго историческаго искусства потребно изученіе лучшихъ Историковъ. Въ семъ намѣреніи упомянемъ мы здѣсь о тѣхъ Историкахъ, которые отличились не только существенными качествами своихъ сочиненій, но и самою одеждою мыслей, достойною нашего подражанія. Таковы суть, кромѣ творцовъ историческихъ книгъ Священнаго Писанія, слѣдующіе между Греками: *Геродотъ, Ѳукидитъ*, *Ксенофонтъ*, *Діонисій Галикарнасскій* и пр.

§ 42. Изъ Римлянъ особенно замѣчательны: *Цесарь*, *Салюстій*, *Ливій*, *Тацитъ* и *Светоній*.

§ 43. Въ среднія времена являлось великое множество историческихъ сочиненій, которыя впрочемъ, со стороны вкуса и слога, не имѣютъ почти никакого достоинства. Изъ нихъ на Латинскомъ языкѣ заслуживаютъ вниманіе творенія Президента *де Ту*. Къ лучшимъ новѣйшимъ Историкамъ можно причислить между Испанцами *Маріана* и *Антоніо де Солисъ*; меж-

ду Италіянцами: *Гикчіардини, Адріана, Бентиволіо, Давили, Махіавеля, Анжело ди Костанзо* и проч.

§ 44. Во множествѣ Французскихъ Историковъ отличаются: *Ролленъ, Кревье, Боссюэтъ, Вертотъ, Миллотъ, Вольтеръ, Рейналь* и проч.

§ 45. Англичане доставили Исторіи особенную красоту и важность, или лучше сказать, возвратили ей то достоинство, которое имѣла она у древнихъ. Сюда принадлежатъ: *Бюрнетъ, Юмъ, Робертсонъ, Голдсмидтъ* и *Гиббонъ*.

§ 46. Нѣмцы, прославившіе себя во всѣхъ почти родахъ сочиненій, и по сю пору не могутъ сравниться съ другими народами изобиліемъ хорошихъ Историковъ. Сему недостатку старались помогать *Шреккъ, Шлецеръ, Шмитъ, Миллеръ, Мейснеръ, Шиллеръ, Архенгольцъ*.

§ 47. Между Россіянами: *Несторъ, Ломоносовъ, Эминъ, Татищевъ, Елагинъ, Щербатовъ, Штриттеръ, Карамзинъ* и проч.

VI.

Рѣчи Ораторскія.

§ 1. Слово *рѣчь* въ тѣсномъ смыслѣ означаетъ разсужденіе, составленное по правиламъ искусства и назначенное къ изустному произношенію. Сіе разсужденіе заключаетъ въ себѣ одну какую-нибудь главную мысль, которая объясняется, или доказывается для убѣжденія слушателей. Слушатель можетъ быть убѣжденъ очевидностію предлагаемыхъ истинъ, изчисленіемъ вѣроятныхъ причинъ и силою доводовъ или доказательствъ. Завидный талантъ составлять такого рода сочиненія, соединенный съ способностію произносить ихъ пріятно и убѣдительно, называется вообще *Краснорѣчіемъ*; обладающій всѣми дарованіями, для того потребными, именуется *Ораторомъ*.

§ 2. Рѣчи, по ихъ *содержанію* и *намѣренію*, бываютъ различныхъ родовъ. Главное содержаніе Рѣчи можетъ быть или общее, или частное; общее бываетъ теоретическое, или практическое. Частное имѣетъ еще многіе

виды. По симъ отношеніямъ, есть Рѣчи *духовныя*, въ которыхъ предлагаются истины и обязанности Религіи; есть Рѣчи *политическія*, въ которыхъ Ораторъ разсуждаетъ о выгодахъ, отношеніяхъ и потребностяхъ общества; — *судебныя*, гдѣ защищается невинно притѣсненный, или обличается преступникъ; *похвальныя*, заключающія въ себѣ похвалу заслугъ умершихъ, или живыхъ знаменитыхъ особъ; — *академическія* Рѣчи, касающіяся до ученыхъ предметовъ, изъ природы, или наукъ. — У древнихъ всѣ Рѣчи раздѣлялись на три рода, на *похвальныя*, *совѣтовательныя* и *судебныя*.

§ 3. Рѣчь, принятая вообще, весьма много сходствуетъ съ разсужденіемъ, о которомъ говорили мы прежде, и многія правила сего рода сочиненій могутъ быть къ ней принаровлены. — Однако цѣль Оратора простирается далѣе, нежели цѣль Философа, предлагающаго просто свои разсужденія. Сей послѣдній доволенъ яснымъ изложеніемъ своего предмета: связь и порядокъ, сохраненные между мыслями, составляютъ для него единственное ору-

діе къ убѣжденію. Ораторъ напротивъ того старается не только убѣдить разумъ, но особенно хочетъ дѣйствовать на волю. Убѣжденіе разсудка служитъ ему средствомъ къ достиженію цѣли, — къ сильнѣйшему воспламененію страстей.

§ 4. Внутреннее и наружное расположеніе Рѣчи вообще зависитъ отъ свойства *предмета*, въ ней предлагаемаго. Сей предметъ не всегда бываетъ единственно главнымъ содержаніемъ сочиненія; оно измѣняется до безконечности, точно также, какъ намѣренія Оратора; впрочемъ *правило единства* должно быть сохраняемо ненарушимо. Содержаніе сочиненія не всегда зависитъ отъ *выбора* Оратора: бываютъ случаи, въ которыхъ онъ обязанъ говорить вдругъ, не приготовясь, и все его искусство ограничивается однимъ благоразумнымъ расположеніемъ данной уже матеріи.

§ 5. Въ Словѣ или Рѣчи заключаются три намѣренія Оратора: *наученіе, убѣжденіе*, и *искусство тронуть слушателя*. Всѣ сіи намѣренія должны быть соединены въ одно, и служить другъ другу взаимнымъ пособі-

емъ. Представляя предметъ со всею ясностію и подробностію, мы *научаемъ*, и въ то же время *убѣждаемъ* разумъ справедливостію, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятностію нашихъ доводовъ. Сіе наученіе и убѣжденіе дѣйствуютъ въ то же время на нашу волю, заставляютъ насъ принять участіе въ предметѣ, представляемомъ Ораторомъ, управляютъ нашими склонностями, и производятъ въ насъ или привязанность, или отвращеніе.

§ 6. Всѣ отдѣльныя *части Слова* должны непремѣнно споспѣшествовать къ достиженію оной троякой цѣли. Посредствомъ *вступленія*, расположеннаго сообразно съ главнымъ содержаніемъ всего сочиненія и отличающагося краткостію и скромностію, Ораторъ старается заранѣе пріуготовить духъ и сердце слушателя къ разбираемому имъ предмету. Часто случаются такія обстоятельства, что Витія совсѣмъ оставляетъ вступленіе, и прямо входитъ въ матерію, о которой долженъ говорить. Вторая часть Рѣчи называется *изложеніе* или *разсужденіе*, или просто *разсказъ* какого-нибудь происшествія. Сюда принадлежатъ так-

же доказательства, или риторическіе доводы, которыхъ выборъ и сущность зависитъ отъ самаго предмета, и которыми Ораторъ или защищаетъ свое мнѣніе, или опровергаетъ чужое. Наконецъ слѣдуетъ *заключеніе*, въ которомъ всѣ доказанныя истины снова повторяются съ большею силою и убѣдительностію, дабы остановить мнѣніе слушателей на своей сторонѣ, и утвердить въ тѣхъ чувствахъ, которыми исполненъ самъ Ораторъ.

§ 7. Мы сказали, что убѣжденіе въ Рѣчи производится посредствомъ *доводовъ* и *яснаго представленія* предмета. Сіе послѣднее состоитъ въ разобраніи мнѣній или происшествій, запутанныхъ и темныхъ, въ объясненіи понятій скрытыхъ или неизвѣстныхъ. Если сіи послѣднія сами въ себѣ заключаютъ очевидность истины, то онѣ не требуютъ никакихъ особенныхъ доказательствъ: и если въ такомъ случаѣ употребляются доказательства, то конечно съ намѣреніемъ доставить случай читателю сравнивать однѣ съ другими, для взаимнаго ихъ подкрѣпленія. Непосредственная или умозрительная очевидность проистекаетъ или изъ

аксіомъ, которыя сами по себѣ ясны, или зависитъ отъ самоувѣрительнаго гласа совѣсти и чувствованій, или слѣдуетъ изъ опредѣленій здраваго разсудка. Таковые роды очевидности въ наукѣ обыкновенно различаются: очевидность бываетъ или *метафизическая*, или *физическая*, или *нравственная*.

§ 8. Убѣжденіе посредствомъ доказательствъ проистекаетъ изъ двухъ главныхъ источниковъ, а именно: изъ непремѣнныхъ свойствъ и отношеній между всеобщими понятіями, или изъ дѣйствительнаго, хотя измѣняемаго хода вещей. На семъ-то основывается извѣстное оное раздѣленіе доказательствъ на два рода, изъ которыхъ одинъ зависитъ отъ понятій чистыхъ (a priori), а другой отъ опыта или дѣйствительныхъ обстоятельствъ происшествія (a posteriori). Ораторъ гораздо чаще употребляетъ доказательства послѣдняго рода, оставляя первый Философамъ.

§ 9. Доказательства, основанныя на опытахъ, зависятъ или отъ чувствованій, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, или отъ воспоминанія. Хо-

тя опытъ не ограничивается познаніями, почерпаемыми изъ оныхъже двухъ источниковъ; однако всегда почти утверждается на сравненіи обстоятельствъ, на связи и на принаровкахъ. Вспоминая прошедшіе случаи, которые касались другихъ людей, мы разсуждаемъ о настоящемъ, и даже осмѣливаемся угадывать будущее. Сіи случаи, подтвержденные вѣками и неоднократно повторенные въ самыхъ своихъ послѣдствіяхъ, становятся собственнымъ нашимъ опытомъ, непреложнымъ и вѣрнымъ. Напротивъ того обстоятельства настоящія, часто не доконченныя, будучи подвержены вліянію времени и другихъ обстоятельствъ, служатъ только къ тому, чтобъ заставить насъ думать и выводить вѣроятныя умозаключенія.

§ 10. Сюда же принадлежатъ хотя не столько надежныя, но часто употребляемыя доказательства по *аналогіи*, въ которыхъ о существѣ вещи судимъ по ея сходству и отношеніямъ съ другими предметами. Чѣмъ виднѣе сіе сходство, тѣмъ доводъ сильнѣе; впрочемъ надобно помнить, что таковыя доказательства сами по себѣ не

имѣютъ надлежащей точности, и только могутъ пріобрѣтать нѣкоторую степень вѣроятія и силы; особенно употребляются онѣ въ опровергеніяхъ чуждаго мнѣнія. Сюда причислить должно также примѣры, которые служатъ поясненіемъ доказательствамъ.

§ 11. *Историческое доказательство* основывается на свидѣтельствѣ или преданіяхъ, заключающихъ въ себѣ опыты и чувствованія другихъ людей. Достоинство ихъ зависитъ отъ большей или меньшей степени увѣренности въ свидѣтеляхъ, въ признакахъ, въ Историкахъ, также отъ существа предмета, отъ намѣренія, съ которымъ намъ объ ней сказывали, отъ времени и обстоятельствъ, среди которыхъ оно случилось.

§ 12. Ораторъ долженъ имѣть въ виду не одну только силу и важность доказательствъ, но и самое ихъ *мѣсто и порядокъ*. Обыкновенно впереди полагаются легчайшія и удобнѣйшія для понятія; за ними слѣдуютъ тѣ, которыя труднѣе, представленныя со всею возможною подробностію, и объясненныя въ самыхъ нѣжныхъ своихъ оттѣнкахъ; смотря по силѣ и разительно-

сти, онѣ располагаются въ порядкѣ до самаго заключенія Рѣчи такъ, чтобы собственнымъ своимъ достоинствомъ и принаровками къ дѣйствительному образу жизни человѣческой производили сильнѣйшее вліяніе на сердца слушателей, и совершенно утвердили ихъ въ тѣхъ мысляхъ и чувствованіяхъ, которыми исполненъ самъ Ораторъ. Сверхъ того сіи доказательства, такъ какъ и другія части Слова или Рѣчи, требуютъ самой натуральной связи между собою, и легкихъ, непринужденныхъ переходовъ отъ одного къ другому.

§ 13. Ораторъ долженъ дѣйствовать не на одинъ только разумъ человѣка, но и на всѣ его *душевныя силы*. Онъ старается особенно воспламенить воображеніе слушателя, дабы такимъ образомъ привязать къ себѣ все его вниманіе. Новость, красота, важность и возвышенность мыслей, такъ какъ и одежда ихъ, служатъ самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ. Живыя, разительныя картины много способствуютъ къ самому убѣжденію ума человѣческаго. Подобнымъ образомъ дѣйствуетъ Писатель на память; чѣмъ подробнѣе, полнѣе и, такъ сказать,

существеннѣе изображенiе предмета, тѣмъ легче можно понять его, и долѣе удерживать въ памяти. Къ тому же способствуетъ соблюденiе порядка легкаго, свободнаго, естественнаго во всѣхъ частяхъ сочиненiя.

§ 14. Самое важное дѣло Оратора, желающаго обладать сердцами своихъ слушателей, есть *возбужденiе* страстей. Онѣ оживляютъ всѣ наши мысли и воображенiе. Цѣль Автора дѣлается цѣлью самыхъ слушателей; его склонность и желанiе становятся общими склонностями и желанiями. Мы не только одобряемъ его совѣты, но съ великою охотою готовы стремиться, куда онъ насъ призываетъ; готовы дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ, а особливо когда онъ умѣетъ съ одной стороны убѣдить насъ въ выгодахъ предлагаемаго имъ мнѣнiя, а съ другой стороны представляетъ легчайшее средство къ достиженiю конца.

§ 15. Главное средство возбуждать страсти есть живое изображенiе предмета и обстоятельствъ, къ оному принадлежащихъ. Чѣмъ вѣроятнѣе разсказано происшествiе, чѣмъ

представлено разительнѣе, чѣмъ болѣе оно имѣетъ отношеній къ самымъ слушателямъ, или по времени, или по мѣсту, или по лицамъ, о которыхъ говорится, или наконецъ по слѣдствіямъ, могущимъ произойти; тѣмъ сильнѣйшее имѣетъ вліяніе, тѣмъ болѣе возбуждаетъ участія, страсти, изступленія. Ораторъ иногда основываетъ возбужденіе страстей на нравственныхъ понятіяхъ о чести, справедливости, славѣ, любви къ отечеству.

§ 16. Искусство состоитъ не въ одномъ только воспламененіи страстей, но и въ *утоленіи* оныхъ, — разумѣется тѣхъ, которыя противны цѣли Оратора. Въ такомъ случаѣ старается онъ уничтожить побудительныя причины противной страсти, или по крайней мѣрѣ ослабить ея вліяніе, или замѣнить одну страсть другою, болѣе благопріятною. Часто довольно одного *смѣшнаго*, для опроверженія самыхъ важныхъ предложеній; часто важный, спокойный видъ противника уничтожаетъ всѣ колкія насмѣшки искуснаго Оратора. Надобно со всею быстротою, со всею ловкостію предупреждать, останавливать, или ослаб-

лять всякое нечаянное нападенiе непрiятеля; надобно знать всѣ его выгоды и невыгоды точно также, какъ свои собственныя, и сообразно тому располагать свои дѣйствiя.

§ 17. Для успѣшнаго управленiя страстей, Оратору необходимо нужно глубокое *познанiе сердца человѣческаго*, познанiе каждой страсти особливо, ея тайныхъ побудительныхъ причинъ, ея хода, дѣйствiя въ многоразличныхъ порывахъ и измѣненiяхъ. Кромѣ того, онъ долженъ быть живо проникнутъ тѣми самыми чувствами, которыя хочетъ возбудить въ другихъ; онъ долженъ быть увѣренъ въ той истинѣ, въ которой хочетъ увѣрять своихъ слушателей; онъ не выпускаетъ изъ виду и собственныхъ своихъ къ нимъ отношенiй, измѣряя ихъ уваженiе къ себѣ, ихъ довѣренность, ихъ благорасположенiе. Подозрѣнiе, или предупрежденiе слушателей противъ Оратора можетъ сдѣлать недѣйствительными самыя величайшiя усилiя блистательнаго краснорѣчiя.

§ 18. *Слогъ* Рѣчей измѣняется до безконечности, сообразно ихъ содержа-

нію. Ораторъ употребляетъ всѣ три главные роды слога, какъ то *простой* или *народный*, въ объясненіи своего дѣла, въ предложеніяхъ, или разбирательствахъ мнѣній; — *средній*, для того, чтобы нѣкоторыми приличными украшеніями замѣнить сухой и скучной образъ доказательствъ и объясненій, чтобъ оживить его картинами, описаніями и разсужденіями, — и наконецъ *высокій*, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ страсть, гдѣ употребляется все, дабы воспламенить воображеніе и потрясти сердце. Много дѣйствуетъ Ораторское *благозвучіе*, особливо тамъ, гдѣ потребна особенная сила, и гдѣ, такъ сказать, истощаются всѣ способы истиннаго краснорѣчія.

§ 19. Когда Рѣчи опредѣлены къ изустному произнесенію, то Ораторъ долженъ не забыть объ искусствѣ *провозглашенія*. Оно требуетъ громкости и свѣтлости въ голосѣ, пріятныхъ измѣненій при повышеніи и пониженіи онаго, его скорости или протяжности, и наконецъ возможнаго согласія тоновъ съ содержаніемъ рѣчи и со страстями, въ ней царствующими. Для достиженія сего искусства, много

способствуютъ природная гибкость и заблаговременное образованіе органовъ голоса, частое упражненіе, внимательное наблюденіе природы и внутреннее живое чувство.

§ 20. Сверхъ того къ искусству Оратора принадлежатъ *тѣлодвиженія* или *наружныя дѣйствія*. — Приличный видъ, положеніе, выразительность и перемѣны лица, обращені рукъ и движеніе всего тѣла должны соотвѣтствовать содержанію Рѣчи и оживлять каждое слово. Въ семъ случаѣ изученіе Природы и изученіе собственныхъ чувствъ гораздо болѣе помогутъ, нежели теоретическія правила. Тѣлодвиженіе Оратора должно нѣкоторымъ образомъ не только обрисовывать характеръ его, но и всякую мысль и чувство. Онъ избѣгаетъ всего излишняго и безобразнаго, всего того, что могло бы сдѣлать его смѣшнымъ.

§ 21. Теперь уже видно, какія главныя качества и дарованія требуются отъ Оратора, если онъ хочетъ достигнуть своей цѣли. Между дарами врожденными должны отличать его: геній, наблюдательный взоръ, быстрое

остроуміе, вкусъ, высокость духа, вообраЖеніе, память, сила чувствованій, и наконецъ сила, пріятность и гибкость органа. Между способностями пріобрѣтаемыми: — познаніе человѣческой природы, здравая Философія, свѣдѣнія Исторіи и всеобщей Литтературы, опытность въ риторическихъ правилахъ, и частое упражненіе въ сочиненіи Рѣчей и въ изустномъ ихъ произнесеніи.

§ 22. До сихъ поръ предложенныя правила касаются *вообще Рѣчей,* и могутъ быть принаровлены къ каждому ихъ роду; но есть также правила, которыя относятся къ одному какому-нибудь роду; мы скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ.—*Политическое краснорѣчіе*, котораго употребленіе нынѣ не столь обширно, какъ было въ древнія времена, требуетъ отъ Оратора точнаго и подробнаго свѣдѣнія о правахъ и выгодахъ своего отечества. Онъ долженъ имѣть основательное познаніе обо всемъ, что служитъ къ его пользѣ и вреду. Онъ предвидитъ всѣ спасительныя средства къ общему благу. Онъ всегда богатъ въ твердыхъ доказательствахъ на всѣ свои предложенія,

въ надежныхъ планахъ къ исполненію оныхъ; его отличаютъ мужество и рѣшительность къ преодолѣнію всѣхъ препятствій и затрудненій. Онъ долженъ быть свободенъ отъ своекорыстія, отъ всѣхъ страстей и отъ частныхъ привязанностей.

§ 23. *Судебное Краснорѣчіе* предполагаетъ основательное познаніе Естественнаго и Гражданскаго Права: сверхъ того, полное и ясное понятіе о томъ дѣлѣ, которое составляетъ предметъ Рѣчи. Ораторъ долженъ знать отношенія и нравственность характеровъ, состояніе и обстоятельства обвиняемаго и защищаемаго. Законы совѣсти требуютъ, чтобъ онъ представилъ весь процессъ безъ всякой перемѣны, опущеній или прикрытій. Онъ можетъ употребить въ свою пользу всѣ благородныя средства, дабы убѣдить разумъ Судей и тронуть ихъ сердца.

§ 24. Если главное намѣреніе *духовнаго Краснорѣчія* состоитъ въ утвержденіи Христіанскихъ истинъ посредѣ церкви, въ показаніи благодѣяній и обязанностей Религіи, въ воспламененіи благодарныхъ чувствованій къ

ея Начальнику, и въ распространеніи чистой, святой нравственности; то духовный Ораторъ особенно долженъ стараться избирать такія предложенія, которыя соотвѣтствовали бы совершенно сему намѣренію. Не занимая слушателей пустыми умозрѣніями и спорными догматами, онъ показываетъ только то, что клонится къ истинному нашему благу, къ щастливой и честной жизни. Онъ наблюдаетъ всегда такой порядокъ и ясность, чтобъ быть понятнымъ для каждаго состоянія людей, не унижая однако достоинства своего предмета слогомъ низкимъ или народнымъ. Наконецъ онъ долженъ возбуждать не простыя, скоропреходящія чувствованія, не суетныя желанія, но постоянныя, непоколебимыя, небесныя страсти къ добру, подкрѣпляющія странствующаго человѣка по скользкому пути сей жизни.

§ 25. Происхожденіе Краснорѣчія относится къ первымъ временамъ общественной жизни, хотя оно было тогда болѣе даромъ Природы, нежели плодомъ искусства. Когда Греки составили изъ Краснорѣчія науку, тогда явились между ними собственно называе-

мые Ораторы, которые употребляли свое искусство или въ дѣлахъ Государственныхъ, или въ судебныхъ изслѣдованіяхъ. Славнѣйшія Рѣчи, до насъ дошедшія, принадлежатъ *Демосѳену*, *Эсхину*, *Лизіасу* и *Исократу*.

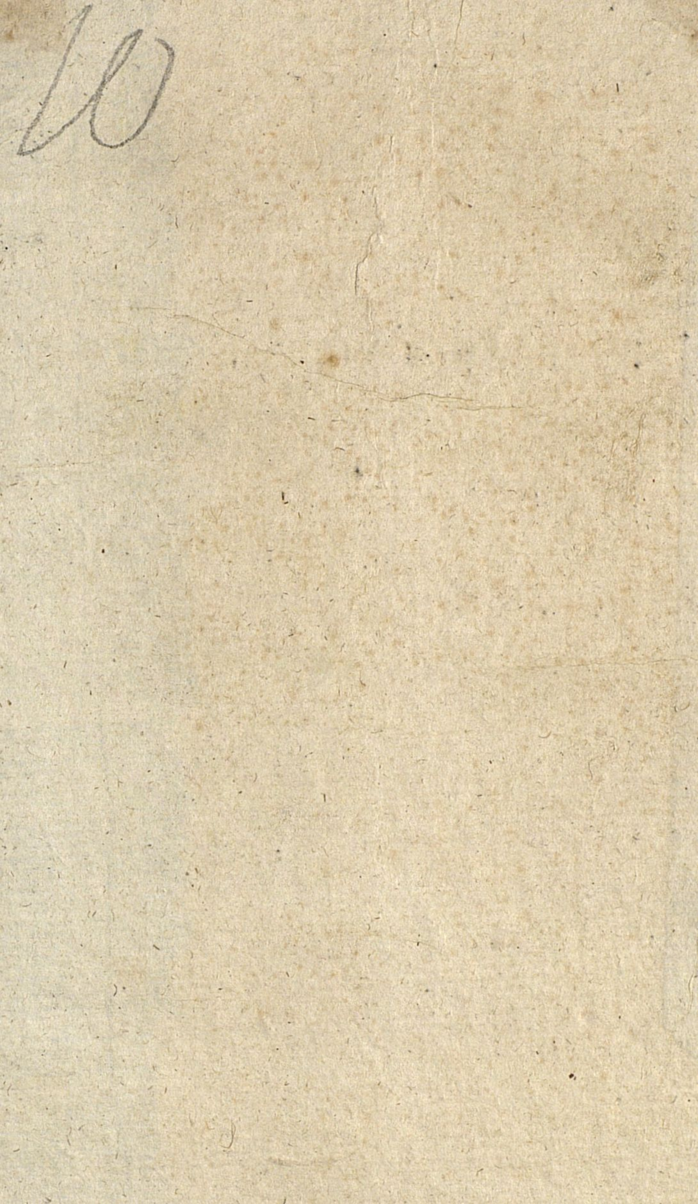
§ 26. Съ такимъ же намѣреніемъ Краснорѣчіе совершенствовано было у Римлянъ, которыхъ можно назвать щастливыми подражателями Грекамъ. Удивительный образецъ въ семъ искусствѣ есть *Цицеронъ*. Между прочими, до насъ дошедшими Рѣчами, отличается Слово младшаго *Плинія*. Рѣчи *Квинтиліана*, въ подлинности которыхъ сомнѣваются, можно болѣе назвать Разсужденіями, нежели Рѣчами.

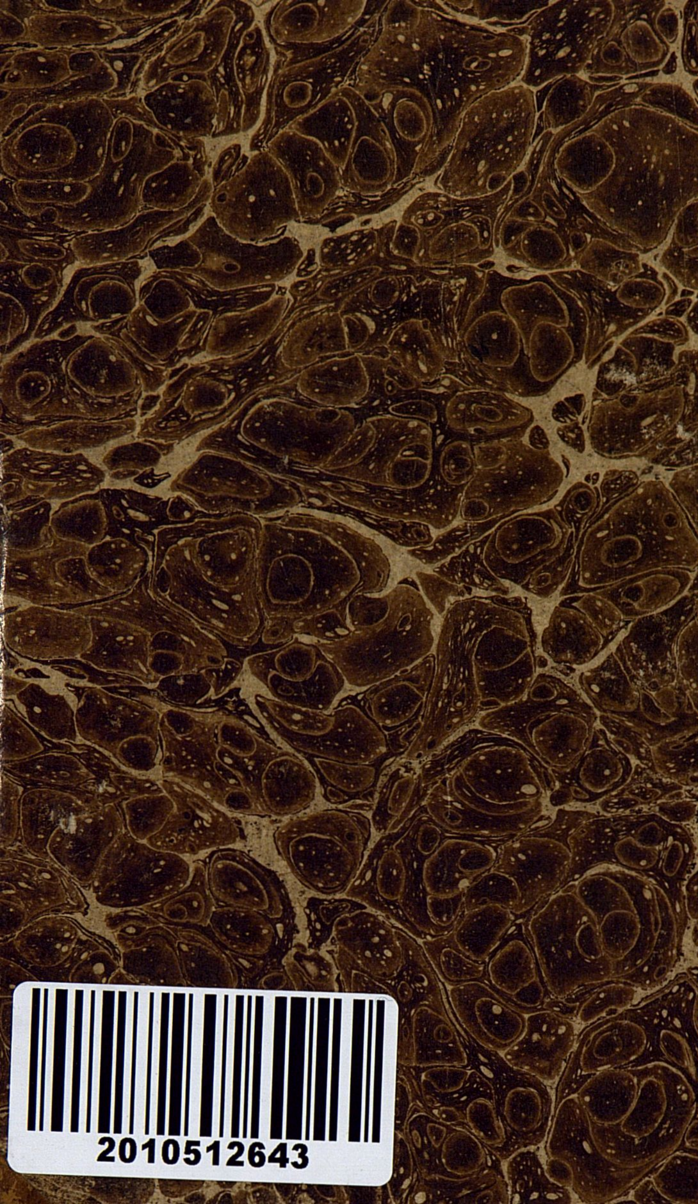
§ 27. Между Италіянцами нѣтъ почти ни одного Оратора, который заслужилъ бы блистательную славу; гораздо болѣе успѣли Французы, а особливо въ судебныхъ, похвальныхъ, Академическихъ и духовныхъ Рѣчахъ. Знаменитѣйшіе: *Фонтенель*, *Томасъ*, *Бурдалу*, *Массильонъ*, *Босюэтъ*, *Флешье* и *Соренъ*.

§ 28. Между Англичанами существуетъ еще до сихъ поръ политиче-

ское или судебное Краснорѣчіе въ настоящемъ своемъ видѣ. Въ числѣ отличныхъ Ораторовъ считаются: *Тилотсонъ*, *Стернъ*, *Блеръ*, *Питтъ*. Нѣмцы также не произвели ничего особеннаго въ семъ родѣ. Упомянемъ *Мосгейма*, *Крамера*, *Шлегеля*, *Шпалдинга*, *Лафатера*, которые преимущественно прославились. Изъ Рускихъ болѣе извѣстны: *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, *Ломоносовъ* и другіе.

10

2010512643